

A stylized illustration in a comic book style. A man in a dark cap and red coat is shown in profile, holding a long, glowing red sword. Behind him, a woman with blonde hair and a red mask holds a dark, double-bladed axe. The background is dark with some circular, glowing elements. The overall tone is mysterious and action-oriented.

ДМИТРИЙ КАРПИН

ВОЛК

Последнее проклятье наг

18+

Дмитрий Карпин
Волк. Последнее проклятье наг
Серия «Волк», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67163303

SelfPub; 2023

Аннотация

Потомственный дворянин и бывший ссыльный Владимир Волков и его возлюбленная английская авантюристка Аманда Фокс после всех ужасов, пережитых в Черной пирамиде, могли зажить тихой и мирной жизнью в Сибири. Но, видимо, у Неба на них иные планы! Появляется новый враг, что обещает превратить жизнь Волка в ад и убить всех, кто ему дорог. Кто этот злодей – остается только гадать: прошлое ли вновь напомнило о себе или это кто-то новый и совершенно неизвестный? И как он связан с недавно появившимся серийным убийцей на улицах Петербурга? Да и человек ли он?

Содержание

Пролог	4
Часть 1.Петербургский Потрошитель	12
Глава 1. Град святого камня	12
Глава 2. Смерть поэта	27
Глава 4. Когда в дело вмешивается призрак	68
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Дмитрий Карпин Волк. Последнее проклятье наг

Пролог

Сибирь.

Июнь 1838 г.

Широкое русское поле было усеяно невысокой травой и душистым клевером, иногда встречались прошлогодние стога, собранные крестьянами на зиму для корма скота. Возле одного из таких стогов паслись две лошади: вороная черная и редкая белая, словно девственный снег, они мирно щипали травку и совершенно не обращали внимания на странные звуки, доносившиеся из глубины стога. А звуки тем временем нарастали и становились громче, хотя ни на боль, ни на призыв о помощи они не походили, а, напротив, казались сладкими и во многом приятными уху, поскольку являлись слиянием двух любящих сердец. И вот любовный акт подошел к кульминации, сладкие стоны стихли и из стога донеслись тихие шептания:

– Как же я люблю тебя, мой волчонок.

– А я тебя, моя хитрая лисичка, – произнес Владимир, после чего еще раз нежно поцеловал Аманду и откинулся на спину.

Мисс Фокс же, напротив, повернулась и головой легла Волкову на грудь, распустив длинные волосы цвета спелой пшеницы. Владимир приобнял возлюбленную и погладил ее по нежной бархатной коже.

– Неужели так будет всегда? – улыбнулась девушка.

– Думаю, после всего, что с нами произошло, мы это честно заслужили, лисенок, – хватая какую-то соломинку и засовывая ее в рот, ответил Волков.

– Наверное. А если что, я сумею тебя защитить.

– Ты? Меня?! – усмехнулся урожденный дворянин и бывший каторжник.

– А что? В прошлый раз у меня это неплохо получилось!

– По мне, так все было совсем иначе!

– Ах так! – игриво фыркнула Аманда и запрыгнула на Владимира, после чего обхватила его запястья и прижала к сену.

Волков лишь усмехнулся, глядя на возлюбленную: на ее сияющие страстью карие глаза, бархатную кожу, обнаженную упругую грудь и розовые сосочки, лишь слегка прикрытые светлыми волосами. Владимир покорно улыбнулся и произнес:

– Похоже, тебе нравится видеть меня беззащитным, дорогая?!

– Возможно, – улыбнулась мисс Фокс. – Ведь таким тебя могу видеть только я. Прямо как при первой нашей встрече.

– Помнится, что это все же я спас тебя от толпы разъяренных солдат!

– Толпы?! – Аманда фыркнула. – Их было всего трое! Да и закончилось все тем, что я привязала тебя к дереву!

– Да уж, хитрюга. Я это помню. И, кстати, я так и не наказал тебя за тот поступок! – С этими словами Волков обхватил любимую за талию, а затем резко перевернул ее на спину, оказавшись сверху.

– Владимир, мне кажется, что нам пора, – прошептала мисс Фокс. – Уже и вечер близок.

– Ничего страшного, – улыбнулся дворянин. – Мы успеем добраться до заката. – И он нежно принялся целовать девушку в шею, с каждым поцелуем опускаясь все ниже и ниже.

– О, Владимир, – сладко простонала Аманда. – Владимир. Как же я люблю тебя, мой Волк!

Уже ближе к ночи, когда солнце скрылось за горизонтом, Волков и мисс Фокс добрались до дома. Их небольшой домик, сложенный из обтесанного бруса и украшенный резными ставнями, стоял на самой окраине городка Томска. Вокруг росли великаны сосны, цвели цветы, а неподалеку протекала река, где было так приятно купаться в жаркие летние дни. Аманда Фокс быстро привыкла к этой простой и спокойной жизни, которой всегда была лишена, и уже начала

ощущать это место родным. Поэтому сейчас первым делом она отправилась в дом, как простая русская хозяйка, чтобы накормить возлюбленного. Владимир же повел лошадей в стойло.

Мисс Фокс открыла дверь, та тихо скрипнула. Девушка прошла внутрь, ступая по сплетенному из цветных лоскутков половику, купленному у местной старушки-крестьянки, и повернула на кухню. Там располагалась большая мазаная печь, которая очень нравилась Аманде и, взобравшись на специальный верхний ярус которой, в суровую зимнюю пору можно было «почивать» в тепле. Мисс Фокс очень любила эту печь, и ей нравилось на ней готовить. Девушка развела огонь в очаге, где уже были заготовлены поленья и, закрыв створку, произнесла:

– Сегодня будем жарить рыбу.

С утра Владимир просидел пару часов у озера и наловил целое ведро карасей, вот их Аманда и решила зажарить. Она взяла сковородку и уже направилась к комоду за подсолнечным маслом и мукой, как вдруг заметила на полу грязь.

– Странно, – пробормотала мисс Фокс, ярая ревнительница чистоты и порядка. – Я же тут все сегодня протирала. Неужели это Владимир ходил в обуви? Ох, я ему устрою...

Но возлюбленный весь день провел с ней, и времени для того, чтобы напакостить, у него просто не было. И вдруг пришло осознание: «Это кто-то чужой! Кто-то был здесь, пока нас не было! ...а возможно... он и сейчас здесь!»

В эту секунду Аманда услышала, как половая доска за ее спиной тихо скрипнула. Девушка тут же резко развернулась и увидела монгола с кинжалом в руке. Еще секунда и потомок наг, а в том, что это был представитель племени Айеши не было никаких сомнений, бросился в атаку.

Мисс Фокс встретила его ударом сковороды, отбив выпад кинжала в сторону, и уже после пнув монгола в грудь, отчего тот отлетел назад, ударился об буфет и разбил стеклянные створки.

– Что, пришел отомстить? – яростно выкрикнула Аманда.

– Да-сс, – прозвучало противное змееподобное шипение. – Избранный нашими отцами велел убить тебя, чтобы его заклятый враг мучился, перед тем как Хозяин придет и за ним. – И, договорив это, монгол вновь ринулся в бой.

Его атака оказалась стремительной, будто змея выбросилась из сухой травы. Но и Аманда Фокс не зря большую часть жизни посвятила изучению китайского ушу. Девушка взмахнула сковородой, совершая обманное движение и уводя атаку противника в нужное для нее русло, после чего перехватила запястье нападающего и с силой вывернула его. Но враг, будто не чувствуя боли, схватил мисс Фокс за ворот простого крестьянского платья и потянул на себя, стараясь насадить на кинжал. Аманда выпустила сковороду и освободившейся ладонью ударила монгола в солнечное сплетение, концентрируя в этом ударе всю доступную энергию. Врага откинуло назад, но платье оказалось безвозвратно испорчено, оно

разорвалось по шву, обнажая правую грудь.

Глаза потомка наг с узкими змеиными зрачками сверкнули похотью, все-таки простые радости жизни были не чужды этому племени. Мисс Фокс же быстро перекинула длинные волосы на обнаженную грудь, прикрывая розовый сосочек, и приняла боевую стойку.

И тут из коридора донесся скрип входной двери.

– Владимир, на помощь! – выкрикнула Аманда.

Монгол яростно зашипел, понимая, что с двумя противниками ему не справиться и вновь бросился на девушку, стараясь поразить ее кинжалом. Но мисс Фокс не стала дожидаться врага и хитро перемахнула через стол, оставив соперника в дураках.

И тут в комнату вбежал Волков с сапфировой шпагой в руке. Лишь доля секунды понадобилась молодому дворянину чтобы оценить ситуацию и броситься на представителя ненавистного племени. Но этот монгол оказался на редкость расторопным, он пнул по столу, что отделял его от врагов и тот врезался во Владимира, затормозив его атаку, после чего потомок змей отскочил назад и вдруг вонзил клинок в собственное брюхо...

Аманда ахнула, Владимир остановился, не понимая, что происходит, а монгол вдруг заговорил:

– У меня для тебя послание, Урус! Хозяин жаждет, чтобы ты мучился так же, как и он когда-то. Хозяин велел убить твою женщину, но я не сумел этого сделать, но Хозяин смо-

жет. Он просил передать, что едет в Петербург, чтобы убить всех, кто тебе дорог, после чего он придет и за тобой!

– Джау Кан! – Серые, словно волчья шкура сибирской зимой, глаза Владимира сверкнули лютой ненавистью. – Он, наконец, решил отомстить!

Но монгол хитро усмехнулся и больше ничего не стал говорить, а лишь всадил кинжал еще глубже в брюхо, отчего кровь брызнула на деревянный пол, после чего повел клинком в сторону, полностью вспарывая живот и выпуская кишки.

– Фу-у, – поморщилась Аманда и отвернулась.

А несостоявшийся убийца мертвым упал на пол.

Позже, глубокой ночью, во дворе дома Волков с лопатой в руке закапывал труп монгола. Мисс Фокс стояла рядом и молча взирала на сие погребение человека без имени, пришедшего убить ее. Никакого сочувствия к нему она не испытывала. И когда последние комья легли на безымянную могилу, и Владимир прихлопал землю лопатой, Аманда, наконец, произнесла:

– Значит, спокойная жизнь закончилась и впереди новая опасность?!

– Выходит, что так, лисенок, – вонзив лопату в землю, сказал Волков.

– И что теперь?

– Поедем в Петербург и первыми найдем Джау Кана, что-

бы, наконец, навсегда избавить мир от этого змеиного племени!

Часть 1.Петербургский Потрошитель

Глава 1. Град святого камня

Петербург.

2 Сентябрь 1838 г.

Покрытая дорожной пылью походная карета остановилась на Дворцовой площади. Дверца отворилась, и из дилижанса вылез небритый молодой мужчина в картузе и в подпоясанной красной рубахе, что считалась шиком у уголовных элементов. Вслед за «фартовым» вылезла и его «мамзель», впрочем, довольно приличного вида в элегантном васильковом платье и шляпке, из-под которой выбивались локоны цвета спелой пшеницы. Дама сразу засуетилась и принялась что-то втолковывать своему спутнику по-русски, но с легким акцентом.

– Согласен, лисенок, это действительно завораживает, – снимая картуз и обнажая истинно черные волосы с седым локоном в области челки, ответил мужчина.

Они оба смотрели на Зимний дворец, на его песочные стены, кованые врата под аркой входа, высокие окна и красивые статуи, взирающие на путешественников с крыши обители царской семьи. Творение итальянского архитектора Растрелли, выполненное в роскошном стиле елизаветинского барокко, действительно захватывало дух, и мисс Фокс, чувственная ко всему прекрасному, с восхищением наслаждалась его красотой.

Вдруг где-то вдалеке грянул пушечный залп, и Аманда даже вздрогнула от неожиданности.

– Полдень, – взглянув на часы под главным Флагштоком Российской Империи на Зимнем дворце и поняв, что традиционный выстрел произвела пушка на другом берегу Невы на стене Петропавловской крепости, произнес Владимир. – Все, как всегда, в Петербурге традиции не меняются. И вроде бы я был здесь совсем недавно и, в то же время, как будто это было совсем в другой жизни.

– Я понимаю тебя, любимый, – взяв кавалера за руку и нежно поцеловав его в щеку, сказала девушка. – Когда я была здесь в последний раз, отец был еще жив, и жизнь казалась совсем иной. – Она на секунду задумалась, вздохнула, а потом, вдруг улыбнувшись, добавила: – Но теперь у меня есть ты, и я люблю тебя больше жизни, и все остальное мне кажется таким второстепенным, даже та история, из-за ко-

торой мы и приехали сюда.

– Боюсь, что эта история может оказаться весьма опасной, поскольку мы совсем не знаем, что готовит для нас Джау Кан.

– Но вдвоем мы справимся! Ведь так?

– Конечно, – улыбнулся Волков и обнял возлюбленную. – Вдвоем мы сила! – И его губы прильнули к алым губам мисс Фокс и страстно поцеловали их.

И тут их вызывающий поступок оказался прерван деликатным покашливанием. Пара обернулась в сторону блюстителя нравственности и на их лицах просияли улыбки.

– Владимир, Аманда! – звонко вскричал молодой офицер в синем мундире и с пышными черными бакенбардами и бросился с объятиями.

Мисс Фокс радостно поцеловала Орлова в щеку.

– У нас принято троекратно, яхонтовая моя, – пошутил офицер, за что был награжден еще двумя поцелуями.

Волков было протянул товарищу руку, но Орлов заключил и его в объятия и дружески похлопал по спине. И Владимир понял, что напряжение, возникшее у них после того, как Аманда выбрала его, а не Алексея, забыто. Молодой дворянин оказался очень рад этому, будто тяжелый камень упал с его души, поэтому он тоже похлопал офицера по широкому плечу.

– А где наш общий друг богатырь Потапов? – спросила мисс Фокс, беря обоих кавалеров под руку и предлагая им

пройтись по Дворцовой площади.

– Занимается важным государственным расследованием, – произнес Орлов и вдруг помрачнел. – Страшные дела творятся нынче в Петербурге. Люди гибнут каждую ночь и не от рук уличных налетчиков, а от какого-то исчадия Ада, которому просто нравится убивать.

– Что за история? – насторожился Владимир. В данный момент не стоило упускать ни одной зацепки, способной привести к следу «пригласителя в Петербург», и если сам Орлов говорит, что в городе происходят странные события, то это вполне могло являться звеном одной цепи.

– Дурная и прескверная история, брат, – произнес Алексей. – Кто-то по ночам разгуливает по улицам Петербурга и отрубает людям головы.

– Серийный убийца! – воскликнула Аманда.

– Не приведи, Господь! – ахнул Орлов, и поднес было перст ко лбу, явно намереваясь перекреститься, но заметив скепсис в глазах друзей, махнул рукой и продолжил: – На Руси-матушке отродясь такого не бывало!

– Не верю, – покачал головой Владимир. – Скорее тайная полиция просто не афишировала подобными случаями и держала их под строгим контролем.

– Правда твоя, брат, – кивнул Алексей и опустил голову. – Но есть одна деталь, которая противоречит версии серийного душегуба.

– И какая же? – спросила Аманда.

– Все жертвы не имеют ничего общего. Среди них есть и дворяне, и простые крепостные, молодые и уже не очень, женщины и мужчины.

– Так может душегубу просто нравится убивать? – предположила мисс Фокс. – Или он ненавидит весь человеческий род. Может у него какая-то мания на этот счет?

– А вот тут, лисенок, мне кажется, ты угодила в самую точку, – наконец произнес Волков.

– Поясни, – поднял брови Орлов.

– Я думаю, что знаю, дела чьих рук эти убийства.

– И чьих же?

– Это Айеши! – ответил Владимир. – Кто же еще может так ненавидеть весь человеческий род.

– Но мы ведь уничтожили это племя, – удивился Алексей.

– Не все, – покачал головой Волков. – Джау Кан, истинный хан Айеши, выжил и, как ты помнишь, он поклялся жестоко мне отомстить.

– Но здесь, в Петербурге? – поразился Орлов. – Не легче ли было проделать все это в Сибири?

– Легче, – согласился Владимир. – Но это бы доставило ему куда меньше наслаждений, а старый монгол хочет, чтобы я страдал перед смертью. Специально для этого он послал ко мне подручного, чтобы сообщить, что собирается сначала прикончить всех кто мне дорог в Петербурге, а уже после заняться мной.

– Вот и начал бы с меня! – зарычал Алексей. – Уж я бы

его приголубил!

– Не будь столь самоуверен, – вновь покачал головой Волков. – За Джау Каном опыт прожитых веков. Я скрещивал с ним шпагу трижды: в первый нас остановил Тенгри, во второй я вывел его из боя хитростью, а в третий, когда он показал все, на что способен, меня спасло лишь чудо...

– Я помню, – кивнул Орлов. – Твой лис и йонни, они прекратили то кровавое месиво. Но с чего ты решил, что убийства на улицах города связаны с Джау Каном? Это ведь вполне может быть совпадением.

– Предчувствие, – молвил Владимир. – И схожие традиции. Айеши тоже любили отрубать головы врагам. К тому же, кому кроме Дрейка, Потапова, тебя и Джау Кана известно, что я жив и здравствую?

– Резонно, – согласился офицер. – Если учесть что масона я упрятал в Петропавловку.

– Алексей, а когда начались эти загадочные убийства? – вдруг спросила Аманда.

– Неделью назад, и с тех пор они происходят каждую ночь.

– Еще одно совпадение, да, дорогая, – поднял брови Волков, как бы говоря «все одно к одному».

– Шельма! – выругался Орлов и даже хлопнул себя по лбу. – Получается, зря я поставил твою тетушку в известность о чудном спасении и возвращении непутевого племянника.

– Что-о? Что ты сделал? – выпучил глаза Владимир.

– Ну, я ведь не мог допустить, чтобы вы с Амандой квартировали у Гофмана? К тому же, она твоя единственная родственница и имеет право знать.

– А я и не слышала, что у тебя есть тетушка, дорогой, – улыбнулась мисс Фокс. – Любящая тетушка – это ведь так мило!

– Не в случае тетушки Кэт, – помрачнел Волков. – Она всю жизнь была белой вороной в нашей семье, и я бы предпочел квартировать в любом другом месте, лишь бы подальше от нее.

– Ну, извини, – развел руками Алексей и виновато улыбнулся. – Но она уже с нетерпением ждет твоего визита и даже приготовила комнату для вас двоих.

– Боже, о нет! – взмолился Владимир.

А Орлов уже поднял руку, подзывая мирно ожидающего кучера. «Ванька» не заставил себя долго ждать и тут же подогнал экипаж, нагруженный вещами.

– В путь, мой друг, – лукаво улыбнулся Алексей. – Тетушка ждет.

Запыленный от долгого путешествия дилижанс свернул с Дворцовой площади и, проехав несколько домов по проспекту, повернула на Адмиралтейскую улицу, именуемую среди горожан Гороховой, и дальше устремился уже по ней. По обеим сторонам улицы располагались живописные каменные дома в три, четыре, а то и пять этажей высотой. Аманда

даже залюбовалась этими изящными застройками Петербурга. А экипаж тем временем ехал дальше и уже миновал мост через канал Мойка, после чего вновь его колеса заскрипели, двигаясь в сторону следующего Екатерининского канала. И уже миновав его и проехав еще несколько домов, кучер остановил лошадей.

– Приехали, барины, – сообщил возничий.

– Вижу, – отозвался Волков и вздохнул.

Они покинули карету и устремились к парадной. Поднявшись на третий этаж, Орлов постучал в дверь. Ожидание оказалось недолгим, и через минуты створка отворилась. На пороге стояла женщина лет пятидесяти в сером платье, запачканном краской разных цветов и оттенков, ее черные, явно подкрашенные волосы, были собраны на макушке в неопрятный пучок, а перед ушками свисали два подкрученных локона, на лице виднелись морщины, которые, впрочем, ничуть ее не старили. Но вот, что удивило Аманду в образе этой немолодой и, наверняка, неординарной женщины, так это ее глаза – они оказались зелеными, словно у кошки.

– Мадам Волкова, – вежливо кивнул Орлов.

Мисс Фокс, приподняв подол платья, элегантно поклонилась.

И лишь Владимир, выдавив улыбку, произнес:

– Bonjour¹, тетушка Кэт.

– Вовочка?! – радостно вскрикнула дама и, бросившись

¹ . Bonjour (фр.) – Здравствуйте.

на шею племянника, принялась целовать его в щеки.

– Тетушка, вы же знаете, что я не люблю, когда вы так меня называете, – стараясь высвободиться из объятий родственницы, забормотал Владимир.

– Ну ты же всегда будешь моим маленьким племянником, сорванец ты этакий, – вдобавок еще и потрепав Волкова по щеке, улыбнулась дама. – Но что это я на пороге-то вас держу, проходите скорее. – И она отступила, давая гостям дорогу.

– Вовочка, как я счастлива, что ты жив, а то уж думала, что последняя из Волковых осталась, – вновь затараторила тетушка Кэт. – А ведь нет, уберег тебя Бог. И вижу жену себе красавицу нашел – умничка, мальчик. Так глядишь, я и детишек твоих еще понянчу. – Дама повернулась к Аманде и спросила: – Как тебя звать, похитительница сердца моего любимого племянника?

– Аманда Фокс, – еще раз поклонившись, ответила девушка.

– Англичанка?! – удивилась тетушка Кэт. – Самая настоящая англичанка?! Как же пошутила то над тобой судьба-злодейка, Вовочка.

– Судьба обожает шутить со мной разные шутки, – пробормотал Владимир. – Впрочем, эта моя самая любимая. – И он подмигнул Аманде.

Тетушка Кэт не обратила на это внимания и, как ни в чем не бывало, продолжила:

– Ты ведь с детства не мог терпеть англичан, это тебе твой пройдоха учитель фехтования привил, а ты во всем брал пример с этого пьянчуги. Но, впрочем, о покойниках плохо нельзя. Да, я слышала, что он сложил голову в Сибири после того, как вы оба попали на каторгу. Эх, жаль его, веселый был человек, царства ему небесного. Но не будем о грустном! – И она вновь повернулась к Аманде. – Ну а я, дитя, Екатерина Андреевна Волкова, но зови меня Кэт, мне так удобней.

– Хорошо, мадам, – улыбнулась мисс Фокс, совершенно ошарашенная болтливостью тетушки Владимира.

– Да что это вы все на пороге-то топчитесь? Пожалуйста в гостиную, – продолжила монолог Екатерина Андреевна. – Только не вы, любезный, – взглянув на покорно ждущего возничего с чемоданами в руках, произнесла она. – Вы лучше займитесь подъемом багажа моих гостей!

– Будет исполнено, барыня, – ничуть не смутился возничий и, отвесив поклон, поспешил вниз.

– Пожалуй, я тоже откланяюсь, – произнес Орлов. – Неотложные государственные дела. Но обещаюсь быть к вечеру. – И, попрощавшись по всем правилам высшего света, Алексей удалился, а мадам Волкова повела гостей в зал.

Войдя в большую и светлую комнату, заставленную картинами и явно служившую для хозяйки рабочей студией, мисс Фокс вдруг ахнула. На кушетке лежал обнаженный мужчина с черной бородой лопатой, что свидетельствовало о его кре-

стьянском происхождении. Увидев вошедших господ, он тут же подскочил и поклонился.

– Здравия желаю, ваши благородия, – выдохнул мужичек, сверкая обнаженным телом, отчего Аманда даже покраснела, Владимир недовольно покачал головой, а тетушка Кэт лишь звучно рассмеялась.

– Прикройся чем-нибудь, Федор, – сказала мадам Волкова. – Ты смущаешь моих гостей.

– Слушаюсь, – отчеканил Федор и принялся натягивать портки.

И тут только мисс Фокс заметила, что перед кушеткой стоит мольберт с холстом незаконченной картины, на которой изображен этот самый мужик Федор в образе античного героя, разрывающего пасть льву. И все сразу же встало на свои места, хотя то, что мадам Волкова художница, Аманда поняла с первого взгляда по запачканному красками платью. «Хоть не любовными утехами они тут занимались, – подумала англичанка. – Хотя мне какое до этого дело? Каждый в праве сам выбирать, где и как», – вспомнив их недавние шалости с Владимиром в стогу сена, улыбнулась девушка.

– Ну, я, наверное, пойду, Екатерина Андреевна? – в спешке натянув портки и рубаху, осведомился Федор.

– Ступай, дорогой, – улыбнулась мадам Волкова и подмигнула мужичку. – И спасибо тебе. Продолжим завтра.

– Рады стараться, барыня, – довольно растянул широкий рот в улыбке Федор и с поклоном удалился.

А Аманда Фокс все же решила про себя, что не только изобразительным искусством эти двое тут занимались. И, похоже, не одна Аманда сделала подобный вывод, поскольку Владимир тоже стоял недовольный.

– Тетушка, я конечно не вправе читать вам нотации, – заговорил Волков, но Екатерина Андреевна оборвала его:

– Вот именно, Вовочка, что не вправе! Не уподобляйся своему покойному батюшке в этом смысле. К тому же о твоих амурных грешках мне многое ведомо.

– Правда? – наострила ушки Аманда. – Очень даже интересно! Но мы с вами потом об этом непременно посекретничаем!

– Посекретничаем, посекретничаем, дорогая, – улыбнулась тетушка Кэт и уселась в кресло, жестом предложив гостям сделать то же.

– Тетушка! – взмолился Владимир.

– Ну, может и не посекретничаем, – хохотнула мадам Волкова. – Если ты, Вовочка, будешь вести себя паинькой.

Насупившийся Владимир уселся на кушетку, что, возможно, совсем недавно служила любовным ложем дворянке-художнице и простому крестьянскому мужику. Аманда опустилась рядом. А тетушка Кэт, взяв со столика курительную трубку, принялась разжигать ее. Закурив, она вновь взглянула на Волкова и произнесла:

– Что за вид, дорогой племянник, почему ты выглядишь, как фартовый налетчик? Твой покойный батюшка бы явно

этого не одобрил!

– В тех местах, где я жил последнее время, это считается высшим шиком, тетушка, – съязвил Владимир.

– Но теперь ты в столице и ты потомственный дворянин, последний из рода Волковых! – выпустив колечками струйку дыма прямо в лицо племянника, произнесла тетушка Кэт. – И я не позволю одеваться тебе, как разбойнику. Нет, нет, это просто нонсенс! Мы сейчас же отправляемся на Невский и оденем тебя согласно твоему положению!

– Хорошая идея, – поддержала мадам Волкову мисс Фокс, у которой простая одежда возлюбленного тоже не вызывала одобрения. Одно дело в Сибири, но в столице это совсем иное.

А Владимир лишь вздохнул, поняв, что с двумя подобными дамами ему не совладать.

Глава 2. Смерть поэта

Вечером после трудного и мучительного похода по салонам Невского проспекта, Владимир, Аманда и тетушка Кэт вернулись в квартиру на Адмиралтейской-Гороховой. Мисс Фокс и мадам Волкова пребывали в приподнятом настроении, поход по магазинам сблизил их и, найдя общий язык, дамы так и продолжали судачить без устали о последних тенденциях Парижской и Лондонской моды. Владимир же, напротив, оказался полностью вымотан этим трудным днем и желал только забыться и выспаться.

Поход за костюмом для Волкова обернулся настоящей экскурсией по всем иностранным салонам Невского проспекта. Вначале они заглянули в магазин мужского платья, где Владимир обзавелся двумя приличными костюмами: французским черного сукна и английским в клетку, изящным цилиндром и тремя белоснежными сорочками. В общем, Волкова одели с иголочки по последней иностранной моде. Екатерина Андреевна сразу же решила избавиться от его старой одежды, из-за чего у них с Владимиром разгорелся самый настоящий спор, в котором молодой дворянин, впрочем, одержал победу, и красная шелковая рубаша с крестьянскими портками остались нетронуты. Затем по случаю на минутку зашли в салон женского платья, где к негодова-

нию Волкова провели целых три часа. Тетушка Кэт не успокоилась пока не перемерила на Аманде половину магазина, после чего объявила, что девушке очень идет коричневый и золотой, это идеально подчеркивает ее красивые карие глаза, и купила понравившееся парижское платье, шляпку и необходимый в дождливом Петербурге зонтик. Владимир настаивал, что и сам может себе позволить расплатиться за себя и возлюбленную, но Екатерина Андреевна лишь рассмеялась, произнеся: «Не обижай меня, Вовочка» и Волкову пришлось смириться.

После походов по салонам одежды зашли перекусить в небольшую, но весьма уютную кондитерскую «С. Волфъ и Т. Беранже» на углу Невского и Мойки, откушали чая с пирожными, и тетушка Кэт поведала, что именно здесь Александр Пушкин сживал перед роковой дуэлью в ожидании друга и секунданта Данзаса. Погибшего поэта помянули добрым словом, поскольку и мадам Волкова, и ее нерадивый племянник были с ним очень дружны. Кондитерская и в самом деле сейчас служила местом посиделок литературной братии, один молодой человек с тонкими усиками даже взобрался на табурет и принялся декламировать стихи, что публика встретила весьма доброжелательно.

— Будущий гений, — когда молодой человек закончил читать стихи, сказала мадам Волкова. — Миша Лютиков тихий и спокойный юноша и очень талантливый. Искренне надеюсь, что печальная участь Пушкина минует его стороной, и

его счастливая звезда не погаснет уж слишком рано.

– От судьбы не уйдешь, – пробормотал Владимир. – Я пытался, но она настигла меня и заставила идти по выбранному ей пути.

– Вздор! – всплеснула руками тетушка Кэт. – Судьбы нет! А вера в судьбу, это все пережитки прошлых веков.

– Поверьте, тетушка, иногда прошлое во многом мудрее настоящего, – произнес Владимир и отхлебнул горький кофе.

После посиделок в кондитерской мадам Волкова настояла на посещении парикмахерского салона, чему Владимир было воспротивился, но вскоре сдался, когда и Аманда приняла сторону Екатерины Андреевны. В общем, на пребывание у цирюльников ушло еще несколько часов. Молодого дворянина гладко выбрили, остригли по последней моде, аккуратно причесали и надушили. Подлый француз-цирюльник желал даже закрасить седой локон Волкова, за что Владимир пообещал расправиться с ним самым жутким образом, и парикмахер испуганно ретировался. Но на этом мучения молодого дворянина не окончились, поскольку еще битый час ему пришлось дожидаться дам, которые тоже решили сделать прически.

В общем, день оказался на редкость утомительным. Поэтому, возвратившись в квартиру на Адмиралтейской-Гороховой, Владимир Волков мечтал лишь о двух вещах: отужинать по-барски и отоспаться. Но последнему желанию не

суждено было исполниться.

Глубокой ночью в прихожей раздался звонок колокольчика. Это оказался Алексей Орлов, который никогда бы не нарушил правил приличия и не стал бы беспокоить в столь поздний час, если бы дело действительно не терпело отлагательств.

– Нашли очередной труп с отрубленной головою, – коротко молвил друг. – И я решил, что тебе стоит взглянуть на это.

– Ты прав, – ответил Волков. – Я должен убедиться в том, что это дело рук Джау Кана. Через минуту буду готов.

– Хорошо, братец, жду тебя внизу в экипаже.

Кивнув, Владимир тихо закрыл дверь, стараясь не разбудить никого из домочадцев, но это оказалось излишним, поскольку Аманда в ночной сорочке уже находилась в прихожей.

– Это был Алексей? – спросила она.

– Да, и я должен ехать.

– Что-то случилось?

Волков коротко объяснил суть дела.

– Я еду с тобой, – сказала мисс Фокс.

– Аманда, дорогая, не стоит тебе на это смотреть, – постарался отговорить любимую молодой дворянин.

– Никаких Аманда! – тоном, не терпящим возражений, заявила девушка, и Владимир понял, что убедить ее у него, как всегда, не получится.

Поэтому через десять минут они оба спустились вниз, где

в просторной черной карете дожидался Орлов.

– Аманда, яхонтовая моя, тебе то зачем смотреть на эти ужасы? – тоже постарался отговорить девушку Алексей.

Но мисс Фокс оказалась неуклонна, заявив:

– Господа, Сибирь сыграла свою роль в жизни каждого из нас, прошла кровавой нитью по белоснежной сорочке, поэтому каждый из нас обязан приложить все усилия, чтобы, наконец, поставить точку в этой истории. Но, а если, господа, вы намекаете на то, что я женщина и не смогу выдержать вида мертвого человека, то вы, к моему удивлению, меня все еще плохо знаете!

– Да нет, дорогуша, – вздохнул Орлов, – ты пример истинного женского упрямства, поэтому я понимаю, что уж если ты что-то вбила в свою миленькую головку, то отговаривать тебя бесполезно. Но попытка была не пыткой. – И он улыбнулся, после чего велел кучеру трогаться.

Колеса экипажа закрипели по булыжной дороге вниз по Адмиралтейской-Гороховой, и уже через четверть часа компания оказалась на месте происшествия.

Ямская встретила их мрачным спокойствием: в столь поздний час горожан на улице практически не было, лишь во дворе дома, в который они въехали, толпились жандармы, не подпуская никого близко. Впрочем, Орлова со спутниками пропустили без лишних слов, молодой жандарм отдал честь и пролепетал:

– Здравие желаю, ваше благородие!

Но Алексей лишь махнул на него рукой и прошел дальше, туда, где двое жандармов и пожилой господин в цилиндре и сюртуке стояли кругом. Присутствующие обернулись на Волкова и мисс Фокс, но не сказали и слова, наверное, решив, что если Орлов их привел, то так и должно.

Подойдя ближе, Аманда вдруг ахнула и, отвернувшись, прижалась к груди Владимира.

– Я же говорил, что это зрелище не из приятных, – хмыкнул Алексей.

– Все в порядке, – все так же, не поворачивая головы, пролепетала мисс Фокс. – Наверное, я отвыкла от подобных зрелищ.

И, собравшись с силами, Аманда, наконец, повернулась и вновь взглянула туда, куда с таким сосредоточением взирал Владимир. А там, на каменной мостовой лежало мужское тело в сапогах, панталонах и перепачканном грязью и кровью сюртуке, заканчивающемся обрубленной плотью, напоминающей кусок фарша.

– А где голова? – стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее, спросила Аманда. – Убийца забрал ее с собой?

– Нет, мадмуазель, она вон там, – ухмыльнулся один из жандармов и указал на металлический забор, сделанный из остроконечных прутьев.

И, действительно, голова убитого оказалась насажена на один из колов. Светлые волосы молодого человека, мокрые от пролитого недавно дождя, паклей спадали на побелевшее

восковое лицо, а мертвые, когда-то голубые, а теперь холодные и безжизненные глаза бессмысленно взирали на копошение у собственного тела. Увидев это зрелище мисс Фокс пробрала дрожь. Молодой жандарм еще раз ухмыльнулся, но Орлов взглянул на него столь сурово, что тот тотчас виновато опустил голову.

– Владимир, это же... – пролепетала Аманда.

– Знаю, – кивнул Волков. – Тот самый молодой поэт, что читал стихи в кондитерской Вольфа и Беранже.

– Вы знали убитого? – удивился Алексей. – Впрочем... – он скосился на нескольких притихших жандармов, явно заинтересовавшихся его спутниками и продолжил, – впрочем, об этом расскажете после.

Владимир кивнул и сделал несколько шагов по направлению к телу убитого, затем он присел на корточки и принялся изучать труп.

– Почему вокруг тела почти нет следов крови? – спросил Волков.

– Интересное замечание, молодой человек, – вдруг произнес сухонький старичок с седой козлиной бородкой. Затем он протянул Волкову руку и представился. – Геннадий Эрастович Баранов – официальный жандармский медик. А вы, простите?

– Владимир, – Волков на секунду запнулся, поняв, что среди жандармов собственную фамилию называть ни в коем случае не стоит, дабы не создавать лишних проблем ни себе,

ни тем паче Орлову, – Вульф.

– Господин Вульф, сторонний консультант, привлеченный мной к расследованию, – тут же поспешил на помощь другу Алексей. – У него имеется обширный опыт в работе над преступлениями подобного рода.

– Весьма интересно, – произнес Геннадий Эрастович и еще внимательнее поглядел на Владимира. – А можно узнать, где вы получили этот самый обширный опыт?

– В разных местах, в основном в Европе, – коротко молвил Волков, а затем вдруг сдвинул брови и строго произнес: – Но не будем тратить напрасно время, господин жандармский медик. Что вы имели ввиду, когда сказали, что отсутствие обильных следов крови является интересным замечанием?

В этот момент Аманда усмехнулась про себя, Владимир сделал все верно, напустив на себя искусственную важность, которая весьма плодотворно подействовала на любопытного медика Баранова.

– А интересно то, что тело жертвы действительно очень сильно обескровлено, но следы этой самой крови практически отсутствуют, – заговорил Геннадий Эрастович. – Мои коллеги жандармы предполагают, что кровь смыл проливной дождь или же убийство было совершено абсолютно в другом месте, но я отвергаю и ту и другую теории. Во-первых, дождь нынешней ночью был не настолько силен, а во-вторых сразу ясно, что жертве отрубили голову именно здесь. Взгляните, – медик наклонился и указал на булыжную брусчатку, на

которой лежало тело.

Волков и Орлов присели на корточки, и даже мисс Фокс, вытянув шею, осторожно придвинулась к труп.

– Видите эти следы на камне?! – продолжил медик, указуя на прямую насечку на гранитном булыжнике у самой шеи покойника.

– Так и есть, – кивнул Алексей. – Следы от топора, или орудия очень сильно его напоминающего, как и в предыдущих случаях.

Владимир тоже кивнул, после чего провел пальцем по зазубринам на камне и еще раз взглянул на шею убитого.

– И как вы можете это объяснить, господин жандармский медик? – спросил Волков.

– Признаться честно, у меня нет ответа на этот вопрос, господин Вульф, – потупив взор, честно признался Баранов. – Надеюсь, что вскрытие жертвы скажет мне хоть что-то, пока я бессилён даже предполагать.

– А что с другими жертвами? – подалась вперед Аманда.

– Те же признаки, – ответил медик. – Мадмуазель..?

– Фокс! – произнесла Аманда. – Я помощница господина Вульфа.

– Удивительно, – пробормотал Баранов.

– Что удивительного? – фыркнула Аманда. – То, что я женщина?

– Да, сударыня, – сказал медик, а затем, вдруг взглянув на Волкова, добавил, – но простите мне мою жеманность, я не

должен был заострять на этом внимание.

От этих слов мисс Фокс даже побагровела. «Этот Эрастович что же решил, что я всего лишь прелестная ассистенточка, избранная самозванным господином Вульфом для любовных утех? Ну, я ему сейчас устрою!» И Аманда уже было открыла рот, но хорошо знакомый с ее характером Владимир возложил ладонь возлюбленной на плечо и произнес:

– Хорошо, господин жандармский медик, вы прощены. Но вернемся к нашим баранам. Вы говорили, что вскрытие может дать результат. Выходит, если я вас понял правильно, предыдущие жертвы не вскрывались?!

– Никак нет, – покачал головой Баранов. – Дозволения не было.

– Отчего же? – удивился Волков.

Но вместо медика ответил Орлов:

– Первоначально делом занимался не я, господин Вульф, – с нажимом на иноземную фамилию произнес Алексей, – а простая жандармерия, которая решила, что это уголовники куражатся. Но после серии повторных убийств дело передали под мой надзор. – Затем Орлов взглянул на Баранова. – Сегодня же провести вскрытие, и чтобы к завтрашнему утру полный отчет лежал у меня на столе.

– Будет исполнено, – сухо пробурчал медик.

А Алексей, развернувшись к ожидающим его распоряжений жандармам, продолжил:

– Жителей дома уже опросили?

– Да, ваше высокоблагородие. Но, как всегда, никто ничего не видел.

– Или видел, но не говорит, – ответил второй жандарм. – Ямская пользуется дурной славой, и если это действительно уголовники, то невольные свидетели могут опасаться, что с ними произойдет то же, что и с этим бедолагой, если уж брехать вдруг вздумают.

– Ох уж эта Ямская, – вздохнул Орлов и, переведя взгляд на друзей, добавил: – Но эту версию мы тоже отрабатываем, она сейчас является основной.

Владимир промолчал, хотя и был уверен, что местные уголовные элементы не причастны к отрубанию голов никоим образом, но не учить же Алексея делать его работу, к тому же при подчиненных, которые и так уже изучили странного господина Вульфа с его милой ассистенткой с ног до головы.

– У вас есть еще какие-нибудь вопросы, господин Вульф? – спросил Орлов.

– Нет, – покачал головой Владимир. – Думаю, я увидел достаточно.

– Тогда пройдемте, поговорим. – И Алексей указал в сторону арки, через которую, не выходя на Ямскую, можно было пройти в соседний двор.

– А вы выполняйте свои обязанности, – напоследок повелел Орлов жандармам. – Васильев, за главного!

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие, – отчеканил жандарм, что постарше и отдал честь, впрочем, Алексей уже это-

го не слышал.

Миновав арку, друзья оказались в еще более темном дворе, окруженном со всех сторон потрескавшимися стенами доходных домов, где обитали небогатые горожане и приезжие, рискнувшие попытать счастья в столице. Но двор оказался не безлюдным, Волков тут же ощутил чье-то незримое присутствие. Он тотчас насторожился и повернул голову в сторону парадной.

– Можешь не таиться, тебя заметили, – произнес Орлов.

Из тьмы парадной выступила огромная мужская фигура в картузе и белой крестьянской рубаше, подпоясанной простой веревкой. Лицо бугая оказалось небритым, а ухоженные когда-то усы стояли торчком.

– И как это ты меня только заметил? – пробурчал Михаил Потапов. – Никак чутье твое волчье помогло?!

– В следующий раз не сопи на весь двор, – усмехнулся Владимир. – А то пыхтишь, словно английский чайник на плите.

Знаменитый на всю Европу русский борец насупился еще больше и что-то недовольно забурчал себе под нос. Но Аманда, подойдя к нему, поцеловала Потапова в щеку и произнесла:

– Здравствуй, Миша. Как же я рада тебя видеть.

– И я, мисс Фокс, – просиял богатырь.

После этого и Волков пожал Потапову руку.

– Ну что, господин Вульф, – не стал тратить времени по-

пусту Орлов и сразу приступил к делу, – что вы думаете о сием убийстве?

– Я еще больше уверился в том, что это Джау Кан или его люди, – ответил Владимир. – И этим убийством он подает мне знак, что следит за мной.

– Ты сказал, что знал убитого? – вспомнил Алексей. – Кто он?

И Волков рассказал Орлову и Потапову о молодом поэте, что читал стихи в кондитерской «Вольфа и Беранже».

– Дела, брат, – вздохнул Алексей. – Возможно, так оно и есть, и в нашем славном граде действительно орудует банда монгольских головорезов. Хотя.. – Но договорить Орлов не успел, поскольку Потапов хлопнул в ладоши и произнес:

– Сходится!

– Что сходится? – воззрились на богатыря друзья.

– Да слышал я, что тут на Ямской одна колода новая появилась, и что семерка до десятки в ней сплошь то ли монголы, то ли калмыки.

– Колода, семерки, десятки? – подняла брови мисс Фокс. – Михаил, ты, что, в карты переиграл? Дурное это занятие.

– Нет, яхонтовая моя, – покачал головой Алексей. – Наш общий друг старается выражаться языком фартовых, то бишь уголовников. Колода – это банда по-ихнему, король – это главарь, валет – правая рука, а прочие простые бандиты: где шестерка самое низшее звено, обычно на такую роль берут уличных мальчишек, чтобы на стреме во время грабежей

стоял.

– Тоже мне фантазеры выискались, – фыркнула Аманда.

– Ох, сударыня, – покачал головой Орлов, – чего-чего, а фантазии нынешним уголовникам не занимать. Чего только стоит дело банды Ваньки Тобольского, что умудрился устроить фиктивную лотерею с миллионным призом и за день облапошить чуть ли не пол столицы, или же дело Борьки – вора дворцового, что устроился помощником повара в сам Зимний и стащил алмазный перстень самого Государю Императора Батюшки. Впрочем, это секретная информация. Но мы отвлеклись. Миша, так что там с этой новой колодой?

– Да ничего, в общем, – пожал плечами Потапов. – Лишь слушок о них пошел, якобы появилась новая колода, отличающаяся жестоким нравом, будто порубили они колоду Васьки Шустрика на гуляш и по кусочкам в Фонтанку покидали. Где кантуются не ведомо, кто у них за короля, кто за валета тоже люди не сказывают, лишь то, что новые они и опасные, появятся, как ураган пронесутся, дело кровавое сделают и поминай как звали.

– Вполне могут быть теми, кто нам нужен, – произнес Владимир. – Оттого и секретность такая.

– Возможно, – кивнул Алексей. – Но я так понимаю, Миша, и тебе о них выяснить ничего не удалось?!

Здоровяк покачал головой.

– Что ж, – кивнул Орлов, – тогда продолжай работать по уголовной линии, но сильно на рожон не лезь, а то знаю я

тебя – отыщешь колоду и сам единолично решишь ее взять!

Потапов многозначительно хмыкнул, мол не учи кота мышей ловить, сам знаю, не первый год в тайной полиции.

– А вот мне кажется, господа, что это все пустое, – заговорила Аманда. – И колода ваша на деле обычной бандой окажется, пусть лютой, жестокой и озверевшей, но вполне человеческой и алчной до прибыли, потому попусту рубать мирным жителям головы не станет.

– И с чего это вы такое решили, яхонтовая моя? – поднял брови Орлов.

Но вместо того, чтобы ответить напрямую, мисс Фокс повернулась к возлюбленному и произнесла:

– Владимир, по твоим рассказам я сделала вывод, что Джау Кан все же человек чести, пусть он и понимает ее по-своему. Рубить русским собакам головы, как бы выразились Айеши – это да, это соответствует чести Джау Кана, но заключать альянсы, пусть и временные, но все же требующие двухсторонней выгоды, с русскими уголовниками – это нет, это не похоже на хана Айеши.

– В другое время я бы согласился с тобой, лисенок, – покачал головой Владимир, – но не в этой ситуации. Поскольку ты забываешь главное – Джау Кан одержим мстью! А когда ты мстишь, то способен на все, и прости за грубые слова, но честь, в этом случае, ты посылаешь куда подальше. И это я уяснил на собственном опыте.

– Да и кто его разберет, этого змеиноного хана, что у него

в голове, — махнул рукой Орлов. — Поэтому, друзья мои, я, как уполномоченный вести расследование, считаю так, что какие-то конкретные выводы пока делать рано. Новая колода это сейчас первоочередная и приоритетная версия...

— Поскольку никаких других у нас сейчас просто не имеется, — хмыкнула Аманда.

— Да, — не стал спорить Орлов, — вот именно, яхонтовая моя, других подозреваемых у нас просто нет. Поэтому мы либо ждем пока душегубец совершит какую-нибудь оплошность, оставив нам улики для своего местонахождения, либо работаем с тем, что имеем. Поэтому, Миша, ты занимаешься поисками колоды, а мы...

— Ждем нового убийства, — фыркнул Владимир.

Глава 3.

S

isterhood

Петербург.

3 Сентябрь 1838 г.

Волков вдохнул запах свежесваренного кофе, пытаясь насладиться его ароматом, а затем отхлебнул глоток, но приписываемой напитку мгновенной бодрости не ощутил. Обреченно вздохнув, Владимир отставил фарфоровую чашку на стол и призадумался. Со вчерашнего рокового вечера он то и дело призадумывался, отчего даже лишился сна, размышляя

полночи и заснув лишь под утро, но никаких идей и дальнейшего плана действий не выстраивалось. Посему оставалось только ждать, пока Джау Кан нанесет новый удар или надеяться на Михаила Потапова и его вести о странной колоде.

И вот он не выспавшийся сидел за чайным столиком в гостиной тетушки. Сама тетушка и Аманда встали рано, их щебечущие голоса звонко разносились по дому и, в итоге, разбудили Владимира, и теперь все вместе они сидели и пили новомодный Coffee, якобы дарующий бодрость.

«Коньяк в былые годы по утрам лучше прочищал мозги, чем эта горькая дрянь, – с какой-то *nostalgie*² по давно ушедшему, подумал Владимир, – особенно после веселой попойки».

– Вовочка, отчего ты такой смурной? – отпивая глоток из фарфоровой чашки, вдруг осведомилась заботливая тетушка Кэт. – Ночью что ли оплошал? – И она звучно расхохоталась. – В твоём-то возрасте, племянничек, пистоль осечек еще давать не должен...

– Тетушка! – взмолился Владимир. Настроения шутить у него явно не было.

А Аманда Фокс даже слегка покраснела.

– Ну, тогда не кисни, как капуста в бочонке, а лучше взгляни на улицу, – с этими словами тетушка подошла к окну и одернула штору.

² Nostalgie – лат. термин придуман в 1668 г. Йоханнесом Хофером; от др.-греч. "возвращение; поездка" + др.-греч. "боль, страдание".

В гостиную ворвался яркий солнечный свет, отчего Владимир даже слегка зажмурился. Подобная солнечная погода в сентябрьском Петербурге выпадала крайне редко, и сегодня это даже, казалось, походило на усмешку. Хотя, возможно, небесному светилу совершенно не было никакого дела до мнения Волкова на этот счет, так же как и не было ему никакого дела до кровавого убийства, произошедшего минувшим вечером, и солнце лишь по какой-то своей звездной прихоти решило порадовать горожан Российской столицы визитом. И, похоже, Екатерина Андреевна Волкова была полностью солидарна с небесным светилом.

– Такая чудесная погода в этом месяце выпадает крайне редко, – заявила тетушка Кэт. – Просто настоящее бабье лето. Поэтому, дорогие мои, я предлагаю не упускать подобного дара небес, а насладиться им сполна. Знаете, видя вас, таких молодых и красивых, я просто счастлива, это вдохновляет меня, поэтому я просто не прощу себе, если не напишу ваш совместный портрет. Посему, после завтрака мы с вами направимся в парк, где я и займусь воплощением этой мечты.

– Боюсь, тетушка, у нас на сегодня имеются другие планы, – вновь подымая фарфоровую чашку и делая глоток кофе, соврал Владимир, поскольку никаких планов на этот день у них с Аmandой не имелось.

– В самом деле? – усмехнулась Екатерина Андреевна, а затем подперла подбородок ладонью и укоризненно взгляну-

ла на Владимира.

Молодой дворянин очень хорошо знал и этот жест, и этот взгляд удивительных зеленых глаз. Еще с самого раннего детства тетушка тонко чувствовала его ложь, и каждый раз, уличив племянника в лукавстве, она принимала сию позу и, глядя с укоризной, принималась задавать каверзные вопросы, пока Владимир не сдавался. Но Волков уже давно был не мальчишка и поэтому так просто сдаваться он не собирался.

– Да, в самом деле! – парировал Владимир и в поисках поддержки взглянул на Аманду, но та, как истинная плутовка-лиса, отвернулась в сторону и сделала вид, что ее очень сильно заинтересовал рисунок обоев на стене.

– И какие же это планы, Вовочка, позволь узнать? – мило улыбнувшись и продолжая играть в знакомую с детства игру, осведомилась Екатерина Андреевна, но тут же сама ответила на сей вопрос: – Ловить городского душегуба, который, как ты считаешь, принадлежит к этому дикому и варварскому монгольскому племени, как там его... айешки, кажется?

Владимир аж поперхнулся кофе.

– Откуда ты про это знаешь? Аманда!!!

– Я? – бросив виноватый взгляд на любимого, пискнула мисс Фокс. – А что я? Я не виновата. К тому же, она ведь твоя тетушка! И вообще, – разыгрывая любимую партию и переходя из защиты в нападение, заявила Аманда, – вставать надо раньше, а не дрыхнуть до одиннадцати! Тогда, может быть, ты бы и смог продержатъ свою тетушку в неведение

еще день другой. Впрочем, в чем я лично очень сильно сомневаюсь.

– Выходит, я еще во всем и виноват? – постарался возмутиться Владимир, но дамы задушили его бунт в зародыше.

– Да! – энергично кивнула мисс Фокс.

– Ну, а кто же еще, Вовочка?! – развела руки в стороны мадам Волкова.

– Ох, женщины, – закатив глаза, вздохнул Владимир. – Иногда мне кажется, что вы все состоите в каком-то тайном обществе, где нет друг от друга секретов, и где все заодно.

– Ты недалек от истины, Вовочка, – хохотнула тетушка Кэт.

– И имя этому обществу «женская солидарность» или же, как говорят на моей родине, Sisterhood³.

Владимир лишь хмыкнул и обреченно покачал головой.

– Посему, Вовочка, как потенциальная жертва, я вправе требовать себе надежную охрану, – заявила Екатерина Андреевна, которую, по-видимому, роль «потенциальной жертвы» отнюдь не пугала, а, напротив, даже льстила. – И кто защитит бедную старушку лучше, чем ее отважный племянничек, прошедший Сибирь, Черную пирамиду и монгольский плен...

– Ты и это ей рассказала? – выпучился на Аманду Владимир.

– Мы встали рано, а утро было таким долгим, а твоя те-

³ Sisterhood (англ.) – сестринство.

тушка такой настойчивой, – изобразив невинность ангела на челе, улыбнулась мисс Фокс.

– Да, да, – закивала Екатерина Андреевна. – Ты ведь меня знаешь, Вовочка.

– Это уж точно, – обреченно вздохнул Владимир. – Утаить что либо от вас, тетушка, невозможно, вы бы и нагам язык развязали, останься с ними в пирамиде наедине.

– Вот именно! И поэтому ты, Вовочка, и ты, моя дорогая Аманда, будете сегодня моей личной охраной. И куда я, туда и вы.

– С превеликим удовольствием, те-тушка, – перенимая манеру обращения Владимира к Екатерине Андреевне и выговаривая это сложное русское слово, улыбнулась Аманда.

– Так что, племянничек, – продолжила меж тем мадам Волкова, – одевай свой костюм, прихорашивайся и готовься к долгому стоянию смирно, поскольку ты знаешь, что пишу я медленно, вкладывая в картину всю душу.

Обреченно вздохнув, Владимир повернулся к окну, откуда, казалось, усмехаясь над ним, взидало золотистое солнце, тоже явно входящее в состав неформального женского клуба под названием «Sisterhood».

Оказывается, Екатерина Андреевна Волкова, как истинный и многоопытный художник, уже полностью начертала набросок будущего портрета молодой пары, но, к сожалению для Владимира, лишь у себя в воображении. И теперь этому

воображению была дана возможность выплеснуться в явь со всеми вытекающими. Локацией тетушка Кэт выбрала Летний сад. По ее словам, в осеннюю петербургскую пору, когда зеленые краски меняли цвета на золотые, а иногда и на пурпурно-красные, романтичнее места и не найти, разве только в Петергофе, но добираться туда сушая мука, за что Волков мысленно возблагодарил отечественные дороги.

До сада добрались на пойманной пролетке. У тетушки Кэт, правда, было изначальное желание размять ножки и добраться до назначенной точки пешком, но Владимир наотрез отказался тащить в такую даль неудобный мольберт и краски с кистями, и его мольбам вняли.

Извозчик высадил пассажиров у величественных кованых врат со стороны Невы. Несмотря на теплый сентябрьский день, с реки задувал сильный ветер, и компания побыстрее устремилась в парк, чтобы спрятаться от расшалившегося сорванца среди высоких деревьев и изящно подстриженных кустов. Впрочем, уже на входе Аманда Фокс остановилась, заинтересовавшись встречающими гостей мраморными статуями, выполненными в виде античных.

– Какая красота! – с восхищением воскликнула девушка.

Владимир улыбнулся, коснулся руки любимой и уже собирался было поведать Аманде историю скульптур, которую, к слову, он когда-то выучил лишь для того, чтобы соблазнять молоденьких барышень в этом самом саду, но вездесущая тетушка не дала племяннику пощеголять знаниями.

– Согласна, дорогуша, – кивнула Екатерина Андреевна, – красиво. Но давайте не будем отвлекаться от поставленной цели. Погода в нашем любимом городе весьма капризна, и в любое мгновение может пойти дождь, а мне так хочется закончить хотя бы набросок. Поэтому не останавливаемся, а вперед и только вперед!

С этими словами мадам Волкова зашагала напрямик по Главной алее мимо высоких деревьев, кустарников и цветов. А Владимиру с Амандой ничего другого не оставалось, как вздохнуть и двинуться следом.

– И не вздыхайте так мне в спину, дорогие мои, – не поворачивая головы, с укоризной произнесла тетушка Кэт.

– Ой, фонтан! – вновь восхитилась мисс Фокс.

Впереди из постамента в виде шахматной доски, только круглой, вверх била струя воды. На это зрелище взирали местные обыватели: господа в строгих мундирах и их дамы в роскошных платьях, впрочем, среди публики попадались и молодые денди в элегантных черных сюртуках и в цилиндрах.

– Вперед, я сказала, и только вперед, – словно заправский полководец возвела палец к небесам тетушка Кэт и, не сбавляя ходу, прошмыгнула мимо толстого генерала с закрученными усами.

Следующий Гербовый фонтан миновали столь же быстро, несмотря на тяжкий вздох сбавившей ход Аманды.

– Время погулять по саду у вас еще представится, дорогие

мои, – меж тем продолжила Екатерина Андреевна. – Сможете еще вдоволь нагуляться и навздыхаться на статуи и фонтаны, захотите, чаю в Чайном домике отведаете, захотите, белочек покормите, а если чего другого изволите, так я вам смогу подсказать, где здесь можно укрыться от чужих глаз и...

– Тетушка! – взмолился Владимир.

– Ах да, я и забыла, что ты и без меня знаешь, где здесь с барышней уединиться можно, – отмахнулась мадам Волкова, и, как ни в чем не бывало, продолжила наполнять красками черные пятна из юности Владимира, отчего мисс Фокс тут же наострила ушки.

– Помню, Вовочка, когда ты был еще совсем щеночек, и родители сплавляли тебя мне на лето, ты частенько сюда бежал и уже волочился за молодыми прелестницами. Сколько тебе было, когда смотритель парка поймал тебя в кустах с купеческой дочкой? Кажется, лет четырнадцать или того меньше?

Владимир промолчал и лишь поморщился, понимая, что тетюшку не остановить. Затем с опаской взглянул на Аманду, та надула губки и с укоризной поглядывала на любимого.

– Ох, какой скандал же потом был! – рассмеялась тетюшка. – Купчина даже требовал, чтобы батюшка, царство ему небесное, заставил тебя жениться на его довольно немиленькой дочурке, но то было не по статусу потомственному дворянину. И батюшке пришлось выдать купчине приличные

отступные, так сказать, за порчу его драгоценного цветочка. Хотя пол-Питера к тому времени уже знали, что цветочек купеческий уже давно примят. Вот такой вот хулиган был наш Вовочка в юности.

Владимир уже открыл было рот, чтобы возмутиться и призвать тетушку к сдержанности, но вдруг получил легкий тычок остреньким локотком прямо в солнечное сплетение от Аманды, отчего тут же поперхнулся, не успев вымолвить и слова. Сделав виноватый вид, он взглянул на любимую, но та, задрав носик, обиженно отвернулась.

«Ох, женщины! – вздохнул про себя молодой дворянин. – Наверное, это очередное правило вашего негласного кружка «Sisterhood», когда возлюбленного нужно обязательно укорять за прошлые амурные дела. Причем, не просто укорять, а надувшись обижаться, будто вы наивно полагали, что до вас мы, мужчины, вели сугубо монашеский образ жизни».

Но уже совсем другие негласные правила межполовых отношений требовали от Волкова принять правила этой игры и повиниться, что он и поспешил сделать:

– Любимая, – произнес Владимир и взял Аманду за руку, – это было так давно, и я был тогда так юн, глуп и наивен. А теперь у меня есть ты, и все, что было до тебя, теперь не имеет никакого значения. Ты ведь знаешь, что я люблю только тебя! Поэтому прости и не обижайся на нелепые ошибки молодости.

В глазах мисс Фокс блеснула улыбка, но негласный ко-

декс «Sisterhood» требовал показать гордость, поэтому, задрав носик, Аманда отвернулась, холодно заявив на извинения благоверного:

– Я подумаю.

– О-ля-ля! – вдруг с восхищением выпалила Екатерина Андреевна и остановилась. – А вот это место самое что ни наесть идеальное для портрета!

– Тетушка, да вы просто издеваетесь надо мной сегодня?! – выпалил Владимир, увидев впереди фонтан, на белом мраморном постаменте струи которого создавали самую настоящую водяную пирамиду. Впрочем, фонтан так и назывался – «Пирамида».

– А почему бы и нет?! – заявила художница. – Как по мне, так это весьма символично и даже слегка иронично написать ваш портрет на фоне пирамиды, пусть и не настоящей каменной, как ваша сибирская, что несла смерть, а стихийной. Ведь вода это что?

– Что? – хмыкнул Владимир.

– Вода, это стихия дарующая жизнь! – подняв палец к небесам, и, видимо, призывая их в свидетели, заявила тетушка Кэт и развернулась к Аманде. – Дорогуша, тебя нравится выбранное мной место?

– Вполне, – согласилась мисс Фокс, созерцая фонтан. – Здесь весьма мило. Ведь так, дорогой? – Последнее слово Аманда произнесла с нажимом, как бы напоминая любимому, что прощение он еще не получил, и она слегка дуетя.

– Как вам будет угодно, дамы, – лишь вздохнул Владимир и принялся разворачивать мольберт, упакованный в большую тряпичную сумку, более похожую на мешок из-под картошки.

– Кстати, Вовочка, внутри для тебя подарок, так сказать, из старой жизни, – наблюдая за распаковкой снаряжения, произнесла Екатерина Андреевна.

Но Владимир уже и сам увидел то, что лежало на дне сумки. Эта вещь когда-то была очень дорога ему. В свое время, живя в Париже, Волков отдал за ее изготовление немалые деньги, но она того стоила, ведь в какой-то степени она являлась символом и гербом одновременно.

– Не может быть? – удивился Владимир, осторожно беря в руки заветный предмет.

– Что это? – подалась вперед заинтригованная Аманда, но, увидев предмет, лишь фыркнула. – Трость?! И всего-то.

– Это не просто трость, любимая, – произнес Владимир, сжав холодный серебряный набалдашник и ощутив ладонью тонкую резьбу.

– Я вижу, – усмехнулась Аманда. – Это не просто трость, а дорогая игрушка избалованного дворянского отпрыска. Набалдашник литое серебро и, конечно же, выполнен в виде волчьей головы. Это так предсказуемо, любимый. И, наверняка, там внутри есть скрытый клинок?! А если его нет, вот тогда я буду по-настоящему удивлена.

Волков нахмурился и с силой опустил трость вниз, кончи-

ком стукнув по какому-то камушку, который тут же отлетел в сторону.

– Вижу, я попала в самую точку! – самодовольно растянула губы в улыбке мисс Фокс.

– Просто ты очень хорошо меня выучила, лисенок, – пробурчал Владимир.

– И это тоже, – кивнула Аманда и сделала шаг вперед по направлению к любимому. – Ладно, ты не дуйся. – Она придвинулась вплотную, и, не обращая никакого внимания на окружающих, нежно поцеловала возлюбленного в щеку. – К тому же, резьба на твоей трости довольно изящная.

– Ты, правда, так считаешь? – повернувшись к любимой и заглянув в ее лучащиеся светом карие глаза, спросил Владимир.

– Я бы и не осмелилась тебе лгать, мой волк.

– Ох, мой хитрый лисенок, – улыбнулся Волков и, коснувшись кончиком носа носика любимой, уже собирался поцеловать ее в алые манящие губки, как вдруг тетушка бесцеремонно закашляла.

Возлюбленные обреченно вздохнули и повернулись к Екатерине Андреевне.

– Тетушка, вы ведь никогда не были блюстительницей нравственности...

– А я и не блюду, – заговорила мадам Волкова. – Просто жду merci⁴ за подарок.

⁴ Merci (фр.) – спасибо.

– Ну, тогда примите мою искреннюю благодарность, тетушка, – улыбнулся Владимир и чмокнул мадам Волкову в слегка шершавую щеку.

– Так-то лучше, – усмехнулась тетушка Кэт.

– Но позвольте узнать, откуда у вас моя трость? У меня ведь забрали ее сразу после ареста.

– Так и было, – кивнула Екатерина Андреевна. – Но, Вовочка, ты забыл, что числишься пропавшим без вести в сибирской тайге, а, следовательно, погибшим. А раз ты погиб и никаких родственников кроме меня у тебя нет, следовательно, я твоя единственная наследница.

– И раз так, то все вещи, изъятые у тебя при аресте, дорогой, были переданы твоей ближайшей родственнице после официального признания тебя погибшим, – сделала правильные выводы мисс Фокс.

– Так же как и мое поместье, все мои капиталы и даже крепостные, – пробурчал Владимир.

– Да, – невинно улыбнулась мадам Волкова. – Теперь я богатая тетушка с капиталами.

– Моими капиталами, попрошу заметить! – возмутился Владимир.

– А вот и нет, – покачала головой Екатерина Андреевна. – Капиталы эти не твои, а рода Волковых. Ты-то в своей жизни и дня не работал, чтобы их приумножить!

Волков уже открыл было рот, чтобы возмутиться и сказать, что работать то ему как раз и приходилось. После ареста

ста на каторге и потом в плену у Айеши, когда он был рабом, то вкалывал, как вол. Но ключевое слово здесь было «после ареста», и поэтому Владимир смолчал, понимая, что подобным оправданием лишь заслужит очередной упрек от любимой тетушки.

– Да не переживай ты так, Вовочка, – расхохоталась мадам Волкова. – На кой мне твои капиталы, я уже старая, так что все равно все тебе по наследству перейдет, если, конечно, ты найдешь способ официально воскреснуть из мертвых и не вернуться вновь на каторгу. А пока будь со мной ласков.

– Всенепременно, дорогая тетушка.

– Вот так-то лучше. А теперь закончили болтать и к фонтану. Для начала нужно выбрать правильный ракурс... Нет, не туда! Не туда, я сказала. Ну, куда же вы непутевые против солнца то...

И так далее и тому подобное. В общем ближайшие несколько часов у Волкова и мисс Фокс выдались не из легких. С гонором истинной генеральши Екатерина Андреевна принялась отдавать приказы. Сначала битых полчаса она искала нужный ракурс и выбирала для пары изящные, но естественные позы: то встаньте рядом, то возьмитесь за руки, то разойдитесь и все по новой. А когда, наконец, эти самые позы были найдены, к слову весьма неудобные и неестественные с точки зрения Владимира, раздалась команда «замрите», и не просто замрите, а «даже и не думайте шевелиться! Я сказала!». И так оставшиеся полтора часа, ни нос себе по-

чесать, ни потянуться. Стояли словно две мраморные статуи, что при входе, и позировали. И ладно бы на потеху одной тетушки, но зевак собралось видимо невидимо. Дамы с кружевными зонтиками расселись по лавкам и, обмахиваясь веерами, наперебой щебетали, явно оценивая достоинства натурщика, что, к слову, весьма не радовало мисс Фокс, отчего она все время морщила носик, за что и получала упреки от художницы. Впрочем, и у натурщицы нашлись свои воздыхатели из числа молодых столичных денди, что оказались еще более шумными, чем сударыни. И это раздражало Владимира ничуть не меньше, чем затекшая спина и стояние по стойке смирно. А еще и советчики нашлись. Один тучный господин с большими усами то и дело крутился у мольберта и пытался внести в написание портрета свою лепту, пока тетушка Кэт, как бы случайно, не взмахнула кисточкой и не угодила господину черной краской на белоснежную сорочку, после чего доморощенный критик был вынужден ретироваться.

И, возможно, все это продолжалось бы еще очень, очень долго, но спасение, как говорится, пришло откуда не ждали. Хотя лучше бы оно вообще не приходило – такой выбор бы сделал Владимир Волков, коль судьба дала бы ему возможность этого самого выбора, но, видимо, у всемогущего Рока в тот миг были совсем иные планы, или же он просто решил коварно подшутить над дворянином.

– Владимир, вы?! Этого просто не может быть! – вдруг

сплеснула руками проходящая мимо барышня в черном платье и шляпке с вуалью, и в следующую секунду упала без чувств.

Хорошо еще, что один из столичных денди, что наблюдал за написанием картины, оказался на редкость ретивый малый и успел в самый последний момент подхватить барышню, не дав ей ушибить себе голову. Одна из лавочек тут же опустела и лишившуюся чувств сударыню усадили.

– Воды! – тут же затребовала Екатерина Андреевна, оказавшаяся в первых рядах спасителей.

Рука тетушки небрежно откинула вуаль с лица барышни, и Владимир даже вздрогнул. Это белое, чистое лицо, эти алые губы, эти соболиные брови без сомнения были ему очень хорошо знакомы.

– Да уж, дорогой, призраки прошлого никак не желают оставлять тебя в покое, – вполголоса, так, чтобы это слышал лишь один Владимир, произнесла Аманда.

– И не говори, mon amour⁵, – обреченно вздохнул Волков.

В этот момент кто-то из нерадивых спасителей подал Екатерине Андреевне воду, набрав ее в фонтане в собственную шляпу. Тетушка Кэт закатила глаза, но воду приняла, затем сделала глоток из нелепого бокала и резко выдохнула в лицо лишившейся чувств барышни. Веки девушки задрожали, а затем вдруг открылись, и на мир взглянули красивые и черные, как два уголька, глаза. Эти очи растерянно оглядели

⁵. Mon amour (фр.) – моя любовь.

толпу, склонившуюся на их обладательницей, слегка задержались на странной женщине с мокрой шляпой в руках, а затем вдруг взглянули куда-то вдаль и уже не спешили отводить взор.

– Владимир, это и вправду вы? – прошептала Аня, некогда урожденная Ларионова, а затем графиня Рябова, ныне вдова. И виной тому был никто иной, как он, Владимир Волков, что поставил точку в жизни ее супруга. Впрочем, граф Александр Рябов того заслужил. Именно благодаря его подлости и коварству Владимир когда-то и угодил на каторгу в Сибирь, убив собственного друга Павла Зайцева на дуэли.

– Да, это я, – поспешил придвинуться к облокотившейся на лавочку Ане Владимир.

– Но как? Я думала...

– Это долгая история, сударыня, – поспешил оборвать ее Волков. – И я обязательно ее вам поведаю, ведь вы, как никто иной этого заслуживаете. Но чуть позже. – С этими словами Владимир обернулся на толпу зевак и громко произнес: – Благодарю всех за помощь, уважаемые господа и дамы. Но я прошу вас разойтись, барышне необходима тишина и покой. Надеюсь, вы меня понимаете.

К счастью для Волкова публика оказалась из понимающих. Господа закивали, дамы, как ни в чем не бывало, принялись о чем-то судачить, и не прошло и пяти минут, как все вдруг разошлись, словно по мановению Пушкинского Черномора. Подле Ани остались лишь трое: Владимир, тетушка

Кэт и Аманда. На последнюю девушка взглянула с легким недоумением и произнесла:

– Кажется, мы с вами знакомы?

– Yes, графиня, мы уже встречались. Я Аманда Фокс...

– Ах да, – округлила глаза Аня, – вы та англичанка, которую я пыталась отговорить от участия в экспедиции в компании моего мужа. – Графиня на секунду задумалась, как бы что-то осозная, а затем вдруг улыбнулась. – Но, как вижу, вы в добром здравии, тогда как мой муженек пропал без вести. Следовательно, я была неправа, и опасаться стоило не вам, а ему. Или же... – Она вновь задумалась, черные угольки-глазки метнулись к Владимиру и строго взглянули в его холодные и серые, словно волчья шкура сибирской зимой глаза. – В Сибири он встретил вас!

Волков понял, что это был не вопрос, а утверждение, поэтому лишь кивнул, выжидая реакцию Ани.

– Скажите, Владимир, – стальным голосом произнесла Аня, – мой муж мертв?

– Да, сударыня, – коротко ответил Волков, не отводя взора серых глаз от черных Аниных угольков и стараясь определить по ним ее чувства, памятуя о том, что лишь они зеркало чужой души. И в этих зеркалах Владимир вдруг разглядел облегчение.

– Видно, у вас на роду написано убивать моих женихов, – с грустной улыбкой, произнесла графиня. – Но за этого – спасибо. Он это заслужил. – Аня еще раз улыбалась, нервно хи-

хикнула, а затем вдруг зашлась кашлем.

Опередив всех, платок ей протянула Екатерина Андреевна.

– Похоже, вы не здоровы, – покачала головой тетушка Кэт. – Бледное лицо, синева под глазами, легкое покраснение белков глаз, обморок, да и этот ваш кашель мне очень даже не нравится. Он походит на...

В черных зрачках Ани Владимир вдруг разглядел легкий испуг, и возможно, именно из-за этого ее следующие слова прозвучали чуть грубее, чем того требовали правила приличия:

– А вы, что, доктор?

– В каком-то роде да, голубушка. Но я давно уже не практиковала.

– Ну, тогда и не стоит делать скоропалительных выводов, мадам...

– Волкова, – представилась тетушка. – Екатерина Андреевна.

Аня с легким недопониманием взглянула на Владимира и тот произнес:

– Моя тетушка.

Графиня Рябова кивнула и вновь, будто чего-то опасаясь, вернулась к первоначальной теме:

– Простите мне мою грубость, мадам Волкова, но я вас уверяю, что я вполне здорова, лишь легкое недомогание, вызванное нашим Петербургским климатом, и тревога, что му-

чала меня последнее время из-за пропажи моего супруга, вот причины моего самочувствия. Но теперь, когда я знаю, что Александр мертв, мне станет намного лучше, поскольку я до дрожи опасалась его возвращения. – Она вновь усмехнулась и добавила: – Подумать только, в последнее время мне даже стало казаться, что за мной кто-то следит, и я искренне боялась, что это мой муж.

Владимир и Аманда мигом переглянулись, похоже, на ум им пришла одна и та же мысль.

– Простите, Аня, как давно вам стало казаться, что за вами кто-то следит? – спросил Волков.

– Не знаю, – пожала плечами графиня. – Недавно, совсем недавно, буквально с неделю назад. Но это все глупости...

– Возможно, и нет, – покачал головой Владимир и взглянул в темные Анины глаза, которые, словно гладь черного озера, заполнились кувшинками страха.

– Позвольте, мы проводим вас домой, дорогая, – напротив, открыто улыбнулась встревоженной графине Аманда и протянула руку. – Там и поговорим.

– Значит, вы считаете, что мне угрожает опасность? – выслушав историю Владимира Волкова и Аманды Фокс, конечно же, не полную, без подробностей, и где Черная пирамида была упомянута лишь вскользь, с дрожью в голосе произнесла графиня Рябова. – И этот, как его, Зохан может отрубить мне голову лишь бы только насолить вам, Владимир? Госпо-

ди-Боже ты мой, что же теперь делать?

Разговор происходил в большой и светлой гостиной в особняке графини, расположенном вблизи канала реки Мойки.

– Не Зохан, а Джау Кан, – машинально поправил Волков. – А вот что поделать? Так тут вы уже ничего поделать не можете.

Анины губки задрожали, агатовые глаза увлажнились, и Аманда Фокс поняла, что графиня вот-вот разрыдается, поэтому и перехватила инициативу у своего неделикатного возлюбленного:

– Но не тревожьтесь раньше времени, графиня, мы с Владимиром не дадим вас в обиду.

– Вы? – удивленно взглянула на Аманду Аня. – Я знаю, что Владимир может за себя постоять, но вы? Вы ведь хрупкая женщина, такая же, как и я.

Волков даже усмехнулся тому, насколько Аня не права в своих суждениях, и тому, насколько эти две девушки совершенно разные. А ведь когда-то он считал, что влюблен в графиню, но эта любовь стоила ему очень дорого. Если бы еще тогда он понимал, что ему нужна именно такая женщина, как Аманда, то все бы сложилось совсем иначе. Многие были бы живы: Мартин, Павел. А сам он бы не угодил на каторгу в Сибирь, не побывал бы в этой ужасной Черной пирамиде и не стал бы рабом племени Айеши. Но и с другой стороны, он бы и никогда не повстречал Аманду. Поэтому, не смотря на

все пережитые горести, Владимир ни за что не пожелал бы, чтобы его история оказалась переписана набело на страницах книги судеб. «Да и к тому же, – честно признался он себе, – причина всего пережитого крылась не в моих чувствах к Ане, а в моей гордыне. За что я и поплатился сполна».

– Поверье, Аня, – меж тем ответила мисс Фокс на вопрос графини, – постоять за себя я могу не хуже любого мужчины. Но сейчас речь не обо мне, а о вас. И как я уже сказала ранее, мы с Владимиром защитим вас. Мы отыщем Джау Кана и его людей и накажем их по всей строгости,.. надеюсь закона. – С легким сомнением закончила Аманда.

– Ну, а если этот монгольский вождь доберется до меня раньше, чем вы до него?

Ответить никто не успел, поскольку в комнату вошел слуга-лакей в зеленой ливрее и, поклонившись, объявил:

– Ваше сиятельство, к вам гости. Его высокоблагородие господин Орлов в сопровождении трех жандармов.

Аня с непониманием взглянула на Владимира.

– А это как раз на тот случай, чтобы Джау Кан не добрался до вас раньше, чем мы до него, сударыня, – ответил Волков. – По прибытию к вам я сразу же послал за ним, и, как видите, он привел вам охрану.

Аня коротко кивнула, затем перевела взгляд на лакея и почти вскричала:

– Проси немедля!

Спустя час Волков, мисс Фокс, Орлов и тетушка Кэт ехали в крытом экипаже – дорогой черного лека карете господина чиновника по особым поручениям. Ехали по направлению к Гороховой улице. Карету слегка потряхивало из-за ухабистой булыжной дороги Невского проспекта, но в салоне тряска почти не ощущалась из-за новых мягких рессор. Поэтому кучеру было невдомек, отчего господа пассажиры так гневно ругаются внутри. Но прислушиваться он и не думал, поскольку состоял кучером при управлении тайной полиции и уже давно усвоил старую как свет истину: меньше знаешь, крепче спишь!

А в салоне тем временем буря разыгралась нешуточная.

– А я тебе говорю, Владимир, что ни в какой операции участия принимать ты не будешь! – уже начал выходить из себя Орлов.

– Это еще почему? – возмутился Волков, поскольку план предложенной операции Владимиру в корне не нравился.

– По кочану и кочерыжке! – выругался Алексей.

– Это как это? – удивилась Аманда. – Причем тут вообще капуста?

– Не бери в голову, дорогуша, – махнула рукой тетушка Кэт. – Это российский оборот речи, означающий, что ничего объяснять нашему Вовочке Алеша не желает.

– Так значит?! – тут же гневно сверкнул на друга глазами Волков.

– А вот и не так, – виновато покачал головой Орлов и уязв-

ленно глянул на Екатерину Андреевну. – Твоя тетушка, как всегда, все возводит в Абсолют.

– Ну, тогда растолкуй!

– Владимир, ну пойми же ты, – взмолился Алексей, – что это вовсе не силовая операция по взятию банды, а тонкая и продуманная операция по внедрению Мишки в колоду.

– Глупости это все твоя тонкая операция, – фыркнул Волков. – Я тебе говорю, что этого валета бандосского надо хватать и к стенке прижимать, и пусть он нас на логово твоей колоды выводит ну и на Джау Кана, если уж он причастен к этой банде.

– А если валет не захочет говорить? – парировал Орлов. – Сенька Свинчатка уголовник тертый, он своих не сдает!

– У вас что, в вашем Третьем отделении информацию из людей выколачивать не умеют? – удивился Владимир. – Ну, так оставь меня с ним на полчасика, он живо все выложит!

– Умеют у нас все в Третьем отделении, – с подозрением покосившись на Аманду, как бы та не начала читать ему лекцию об этичности методов, буркнул Орлов. – Но не в этом дело, Владимир. Пойми, даже если мы возьмем валета, колода может что-то заподозрить и сорваться с места, и тогда все пропало, и придется ждать нового убийства и новой возможности выйти на банду, которая к тому времени станет в разы осмотрительней. Поэтому я в очередной раз прошу тебя, братец, не появляйся ты у Гофмана и не сорви нам операцию. Договорились?

– Хорошо, положусь на тебя и твое хваленое Третье отделение, – соврал Волков.

Глава 4. Когда в дело вмешивается призрак

«Ума не приложу, и почему это Владимир так некогда любил это заведение», – скучающим взглядом обведя зал трактира «У Гофмана», задумался Орлов.

За тот год, что Алексей не заглядывал в это злополучное место, здесь в трактире на Английской набережной все осталось по-старому. Такой же полутемный зал с засаленным потолком от копоти свечей на люстрах в виде корабельных штурвалов. Те же столы, вернее просто деревянные столешницы, положенные на бочки. И та же разношерстная публика: простые пьянчужки мужики, портовые грузчики, моряки, уголовники разных мастей или же «деловые», как они сами предпочитают себя называть, мамзальки на любой цвет и вкус, ну и басурмане, что прибыли на Русь-матушку в погоне за легкой деньгой. И никаких благородных из рода высшего дворянства – такие заглядывали сюда крайне редко, либо в поисках куражу, к таким Орлов причислял Волкова в былые годы, либо по особой надобности, к этим последним Алексей приписал себя. Хотя, что уж тут лукавить и кривить душой, честно признался себе Орлов: «А ведь и я когда-то искал тут забытья и прятался от чувства стыда, виня себя в том, что умыл руки и не остановил дуэль друзей. В то время так хоте-

лось забыться и не видеть благородных лиц, и это место было словно создано именно для сего. Здесь можно было напиться до чертиков, забыть о правилах приличия, затеять драку, а на утро проснуться в объятьях той, у кого даже имени спрашивать не захочется. Но все это в прошлом. Спасибо Александру Христофоровичу – вправил мозги, на путь истинный наставил и цель показал. А то, кто знает, где бы я без него сейчас был». И уже после этого судьбоносного человека Орлову приходилось бывать в трактире «У Гофмана» лишь два раза, и то по служебной необходимости. Первый, это когда надо было втереться в доверие к английскому профессору археологии Генри Рою Фоксу и его очаровательной дочурке – тогда все отыгралось наилучшим образом. Ну и второй... Впрочем, второй только наступил, поскольку Алексей лишь успел переступить порог трактира и легкой ленивой походкой двигался вперед по залу, вдыхая аромат густого табака, зеленого змия и квашенной капусты – довольно не французских ароматов, что царствовали в этом месте.

– Алексей Григорьевич, какая честь! – всплеснул перед Орловым руками сам Гофман, уже давно не молодой хозяин немного тучной наружности с маленькими поросычьими глазками и довольно услужливой улыбкой.

– Здравствуй, Ганс, – сухо поприветствовал Алексей, как того требовали правила этикета по отношению к какому-то там хозяину второсортного трактира.

– Сейчас все для вас исполним в лучшем виде, – по-сво-

ему обыкновению залебезил Ганс. – Лучший столик организуем, только для вас...

– Лучший не надо, – покачал головой Алексей и указал вдаль. – Хочу вон тот.

Это место Орлов уже давно приметил, оно находилось как раз подле столика, за которым расположился объект операции и Михаил Потапов, выступающий в роли подсадной утки. Только вот беда – удобный столик был занят какими-то забулдыгами. Впрочем, беда была невелика, и Алексей знал, с какой легкостью в трактире у Гофмана решаются подобные неудобства.

– Как вам будет угодно, дорогой Алексей Григорьевич, – ласково улыбнулся Гофман и тут же замахал грязным полотенцем двум официантам.

Официанты – здоровые бородатые мужики, поскольку другие их коллеги в подобном заведении бы просто не прижились, поняли хозяина без лишних слов. Детины, не церемонясь, схватили пьянчужек под руки и выпихнули из трактира взашей. А Гофман подошел к столику, смахнул со столешницы хлебные крошки грязным полотенцем и льстиво заулыбался:

– Присаживайтесь, сударь.

Орлов уселся за столик, с достоинством обедая устремившиеся к его персоне лица местной публики. Впрочем, публика была привычна к подобным происшествиям и потому, сделав вывод, что гость наверняка птица очень высокого по-

лета и к нему лучше не задаваться, быстро поспешила вернуться к собственным делам. Краем глаза Алексей даже заметил реакцию объекта операции – валета Сеньки Свинчатки, тот с интересом, и даже оцениваяюще, оглядел явно богатого барина, каким вырядился Орлов, а затем, придвинувшись к соседу, что-то зашептал тому на ухо.

«Наверняка похвально, как бы он мне кровушку пустил, ну или в бубен вдарил, не зря же его свинчаткой прозвали, – ухмыльнулся Орлов. – Только вот не по тебе я птица, фартовый, и не грабить тебе меня сегодня предстоит, а, напротив, от меня бегать. Только вот знака Мишиного дождусь».

– Вам, как обычно, Алексей Григорьевич?! – тем временем продолжил лебезить Гофман. – На первое «Вдову Клико»? – И Ганс подмигнул.

«Я на службе», – поглощенный собственными мыслями чуть было не проговорился Орлов, но вовремя сдержался.

– «Вдову Клико» говоришь? – вернулся к хозяину трактира Алексей. – А почему бы и нет, тащи. И на закуску чего-нибудь. Только не капусты твоей мерзкой, не вздумай!

– Бутылку наилучшего игристого, сию же минуту сюда! – крикнул Гофман, ни секунды не сомневаясь, что его распоряжение будет исполнено, а затем вновь любезным голосом обратился к гостю: – Устрицы наисвежайшие, только сегодня подвезли. Изволите?

– Устрицы? – удивился Орлов, – в твоей то харчевне? Да еще и наисвежайшие?

– Не волнуйтесь, Алексей Григорьевич, если бы я имел хоть толику сомнения на их счет-с, вам бы я их предложить не осмелился, – любезно улыбнулся Гофман, а затем, нагнувшись к самому уху, вкрадчиво произнес: – Уж поверьте, я то знаю, как высоко вы взлетели.

– Вот даже как?! – с досадой хмыкнул Орлов. – Ох, Ганс, старый ты пройдоха, и ничего-то от тебя не скрыть. Но ты смотри, помалкивай о моей персоне, если кто интересоваться вдруг вздумает. А не то...

– Не извольте волноваться, ваше благородие, – тут же закачал лысеющей головой Гофман. – Я нем, как рыба. И поверьте, старик Ганс знает о ком стоит трепаться, а о ком лучше помалкивать в тряпочку, недаром ведь мое заведение уже столько лет стоит на плаву и пользуется своего рода популярностью у господ, что желают сохранить свое *incognito*⁶.

В этот момент к столику подошел официант с подносом, на котором стояли фужер и ведро со льдом, а в нем запотевшая бутылка шампанского. Гофман перехватил у официанта поднос, махнул тому рукой, мол «иди, я сам, не по тебе птица» и быстрыми, доведенными до автоматизма движениями, откупорил бутылку, наполнил фужер и, протянув его Орлову, заговорщицки подмигнул.

– Ну ладно, Ганс, убедил, – делая глоток холодного, слегка щекочущего горло напитка, усмехнулся Алексей. – Поверю тебе. Ведь еще мой друг Волков, не к ночи он будет помянут,

⁶. *Incognito* (итал.) – скрыто, тайно, не раскрывая своего имени.

говаривал, что хоть ты и пройдоха, но пройдоха свой и умеешь держать язык за зубами.

– И он был полностью прав! – просиял хозяин трактира, а затем вдруг резко изменился в лице и помрачнел. – Эх, Владимир Михайлович ведь хороший был человек, такой молодой, веселый, кутить любил, денег не жалел... Жаль, что сгинул. Царствия ему небесного. – И Гофман вдруг благочестиво перекрестился двумя перстами слева направо. – А ведь я его частенько вспоминаю. Вот даже сегодня. Именно что сегодня! Сегодня мне даже показалось, что я его видел.

Орлов чуть было не поперхнулся игристым.

– Видел? Где?

– Да не он это был, ваше благородие, я же говорю, привиделось мне, – вздохнул Ганс. – Сам сначала подумал, что призрак, а потом пригляделся, фатовый это какой-то. Сапоги хромовые гармошкой, рубаха красная, а на голове рваный картуз, но так на нашего Волкова похож, е-богу.

«И где ты этого призрака увидел?» – чуть не спросил Алексей, но вовремя сдержался, решив, что подобные расспросы явно насторожат старика Ганса. Гофман хоть и пройдоха, но пройдоха чрезвычайно смекалистый и пусть он и прикрывается образом лстивого и любезного хозяина трактира, но кому как не Орлову ведать, что это лишь маска для посетителей.

– Да, конечно же, привиделось, – как ни в чем не бывало махнул рукой Алексей и поспешил перевести тему. – Ну

ладно, Ганс, тащи сюда своих устриц.

Хозяин трактира вновь любезно заулыбался, поклонился и, пообещав:

– Сию минуту,
тут же удалился.

А Орлов задумался:

«Призрака, значит, увидел? Эх, Владимир, Владимир, лучше бы этот пройдоха действительно увидел призрака, а не тебя, а не то... размолвки нам не миновать! Я ведь просил тебя «без самостоятельности», это тебе не Сибирь и даже не Черная пирамида, здесь одной грубой силы мало будет, здесь интеллект нужен, здесь карты надо правильно разыграть, чтобы колоду обдурить и на главаря выйти. А ты... Вот почему, почему, черт тебя побери, тебе постоянно надо бежать впереди пролетки? Почему ты постоянно рассчитываешь только на себя и не ценишь друзей, которые в подобных делах собаку съели? – вздохнул Алексей и, взяв бутылку с шампанским, взглянул на нее, словно на собеседника, которого не было. – А я скажу тебе почему, Владимир! Потому что ты высокомерный, самовлюбленный и чрезмерно самоуверенный выскочка! И правильно ты мне еще тогда в Сибири сказал «люди вообще по природе своей не способны меняться, они лишь приобретают опыт и под гнетом обстоятельств меняют маски, а в душе остаются прежними!». Хорошо сказал, я запомнил твои слова, Владимир, но все же питал надежду, что это не так. А ты... Впрочем, что это я?

Может, Гофману и в самом деле показалось», – с толикой надежды на сердце подумал Орлов и, вновь наполнив фужер шампанским, перевел взгляд к столику, за которым расположились Михаил Потапов и валет Сенька Свинчатка.

Дела у Миши, похоже, шли наилучшим образом. Первичное доверие валета он явно заслужил, поскольку тот то и дело подхихикивал и по-товарищески похлопывал Потапова по плечу. Хотя, возможно, причиной подобного радушного расположения делового являлся зеленый змий. Большая бутылка с водкой за их столиком почти показала дно, да и квашеная капуста на тарелках уже заканчивалась. Валет пил много и часто, причем стаканами, и уже явно был навеселе, да и Потапов не отставал, но для Миши пол-литра, это что медведю дробина. А вот валет был человеком хилым на вид: щуплый, невысокий, средних лет, рожа не брита, нос поломан, а глаза дикие – такому человека убить, что муху пришлепнуть, сделал вывод Орлов и перевел взгляд на приятеля. А тот, будто почувствовав взор друга, слегка повел плечом и показал под столом большой палец. Это был знак! Знак, что с объектом операции найдено понимание и, чтобы войти в полное доверие, необходим только толчок. Этим толчком и должен был послужить Орлов.

«Ну что ж, Ганс, искренне сожалею, но устриц твоих я сегодня не отведаю», – ухмыльнулся Алексей и, встав из-за стола, направился к столику Миши и валета.

Подойдя к ним Орлов смерил обоих надменным взглядом и сухо, как того и требовал его статус, произнес:

– Господа, вечер добрый. Хотя для вас он уже не такой уж и добрый.

Шутка произвела должный эффект и, выпучившись на странного и надменного господина, валет крикнул:

– Это еще почему? И что ты вообще за птица такая?

– Птица?! – усмехнулся надменный господин. – Вот именно, что птица! Орлов, Алексей Григорьевич Орлов – чиновник особых поручений при Третьем отделении. А это значит, что вы, господа, задержаны.

Захмелевший взор Сеньки Свинчатки тут же сделался злым и агрессивным, зрачки сузились, желваки заходили ходуном, а зубы стиснулись, отчего верхняя губа слегка подернулась от гнева и ненависти. Рука валета, что еще несколько секунд назад сжимала стакан с водкой, поползла вниз к пазухе, где фатовый явно прятал оружие, но птица высоко-го полета опередила валета, не дав ему совершить непростительную ошибку. Черное дуло пистолета уперлось прямо в нос делового, и в зале тут же стало тихо, лишь один голос Орлова, словно гром в ясном небе, разнесся в трактирной тишине:

– Но, но, шельма, без глупостей! Я шутки не люблю, так что любой неверный поступок, и за жизнь твою и ломанной

копейки не дадут!

– Как скажешь, ваше легавое благородие, – подняв руки и, показав открытые ладони, тут же оскалился валет.

И вдруг стол перед Орловым взлетел в воздух. Почти опустошенная бутылка с водкой, стаканы, тарелки и квашенная капуста разлетелись в стороны, а коварная столешница со всей силы ударила Алексея в грудь, отчего его тут же отбросило назад и опрокинуло на пол. Это Михаил Потапов вскочил с места, вживаясь в роль подсадного спасителя.

– Текаем, Сеня! – закричал здоровяк, и уже было схватил вальета за рукав, но тот ловко одернул плечом и покачал головой.

– Сначала я этой птахе юшку пушу, – проскрежетал валет и блеснул сталью ножа.

Алексей стряхнул головой, с макушки на грудь упала квашенная капуста, но это отнюдь не облегчило головокружение. А вот валет уже наступал, да и пистолет валялся в нескольких метрах.

«Прискорбно, – с досадой подумал Орлов. – Это же весь наш театр сейчас накроется».

В эту секунды чиновник особых поручений при Третьем отделении отнюдь не волновался за собственную шкуру, поскольку понимал, что Михаил не даст его в обиду. Да и Потапов уже занес ладонь над головой вальета, не желая дать тому совершить смертоубийство товарища. Но подобный расклад означал, что весь разыгранный спектакль пойдет коту

под хвост.

Но, видимо Фортуна в этот вечер все же решила одарить благосклонностью отнюдь не фартового, носящего ее клеймо, а служителя собственной сестры Фемиды. Раздался выстрел. Бутыль хмельного, стоявшая за соседним столиком, разлетелась осколками, отчего валет даже поджал уши.

– А ну не смей у меня в заведении буяннить! – закричал неожиданно сильным и властным голосом Гофман.

– А вот теперь точно тикаем, – пробасил Михаил и, схватив под руку уже и не думающего артачиться Свинчатку, потащил того к черному ходу.

В след им грянул еще один выстрел хозяина трактира, но, к облегчению Орлова, он тоже оказался ужасен и не нашел должной цели. А Потапов и валет тем временем уже скрылись за спинами повскакивавших из-за столиков посетителей.

Алексей вздохнул, похоже, первая стадия операции прошла успешно. Он поднялся, отряхнулся, на левом плече все еще висел капустный лист, но вместо того, чтобы смахнуть его, Орлов решил продегустировать популярную закуску.

– А капуста то сегодня не дурна! – усмехнувшись, отметил Алексей.

– За мной! – командовал Потапов, ведя валета темным

проулком. — Здесь у меня братка на пролетке ждет.

Они вывернули из-за угла и, действительно, возле горящего в ночи масленого фонаря на мостовой стояла выдавшая виды старая пролетка. Мужик, похоже дремавший на козлах, заслышав шум и заметив вывернувших из-за угла беглецов, лишь лениво повернул голову и смерил приближающихся холодным взглядом серых, словно волчья шкура сибирской зимой, глаз.

«Волков — собака серая! Ты то что тут делаешь? И где Гришка?» — чуть было не взревел Потапов, но вовремя сдержался, лишь зыркнул на дворянина недобрым взглядом.

Хотя в облиции того, кто сейчас сидел на козлах, аристократа было признать сложно. Владимир неплохо загримировался. Красная шелковая рубаша, черный атласный жилет, сапоги гармошкой, а на голове поверх специально покрытых маслом и зачесанных назад волос драный картуз. Образ дополняла явно фальшивая черная борода. В общем, вылитый деловой с Ямской.

— О, Мишанька! — небрежно хохотнул псевдо-фартовый. — Ты че, от черта штоль драпаешь?

— Почти, браток, — не церемонясь одернул подельника Михаила валиет и запрыгнул в пролетку. — Канаем от седого, да поживей! И лошадку не щади, хлестай так, как будто действительно за нами сам черт гонится. Понял?

— Отчего же не понять, понял, конечно, — небрежно повел плечами Владимир и угостил конягу кнутом.

Ни в чем не повинная животина обиженно заржала от боли и шустро рванула вперед, да так резво, что валет аж повалился на сидение. Копыта зацокали по булыжной дороге, вокруг замелькали фонари и дома.

– А братка то твой надежный? – услышал Волков вопрос Сеньки Свинчатки, обращенный к Потапову.

– Надежней некуда. Мы с ним не один пуд соли съели, – слегка небрежно буркнул Михаил, еще явно недовольный тем, что Владимир так бесцеремонно влез в их с Алексеем операцию.

«Дуйся, дуйся, Миша, – усмехнулся про себя Волков и еще раз угостил лошадку кнутом. – Дуйся, сколько твоей богатырской душеньке угодно будет. На обиженных, как известно, воду возят. А я... Я просто не могу поступить иначе. Не ваш это с Алексеем бой, а мой. Хватит другим нести кару за мои поступки и хватит чужих смертей. Джау Кан и его Айеши уже подобрались слишком близко, и следующей жертвой может стать тот, кто мне действительно по-настоящему дорог. Тетушка, Алексей, Аня... Аманда... – При последнем имени сердце Владимира предательски сжалось. – Нет, только не она! Ее смерть я не смогу пережить. Поэтому, простите меня, Миша и Леша, но это, прежде всего, мой долг. Долг защитить всех вас! И уж когда я его исполню, можете дуться на меня, сколько вам будет угодно, а пока, увольте».

Погрузившись в раздумья, Волков перестал прислушиваться к разговорам за спиной. В душе пчелиным роем кру-

жились собственные чувства: с одной стороны тревога за близких, с другой *toucher*⁷ от совести за обман лучшего друга, но было и третье, что заставляло кровь закипать сильнее, что делало ночной питерский воздух слаще и придавало жизни изюминку. И это чувство было азартом. Владимиру вновь суждено сойтись с врагом лицом к лицу и, доверившись честной стали, решить, кто из них достоин жизни. Сойтись лицом к лицу с самим Джау Каном, возможно, самым сильным из всех ныне живущих воинов, сойтись с тем, за спиной которого опыт не одного столетия, и это отчего-то не страшило Волкова, а, напротив, заставляло сладостно трепетать сердце и разгоняло кровь по венам. За это чувство Владимиру даже немного стало стыдно, не его он должен был испытывать, отнюдь не его, но, видимо, наука Мартина де Вильи оказалась куда глубже, чем просто искусство фехтования. То оказалась наука воина, что желает доказывать себе, окружающим, да и всему миру, что он достоин носить это звание.

«Глупо, эгоистично и довольно по варварски», – упрекнул себя Владимир, но поделаться с этим горячащим кровь азартом он ничего не мог, оставалось только смириться и усмехнуться в лицо судьбе или же непостижимому Творцу всего сущего, сделавшего его именно таким, каков он есть.

– Теперь я понимаю, почему ты вечно жаждал боя, старый лис, – растянув губы в улыбке, прошептал Волков.

⁷ *Toucher* (фр.) – буквально: прикосновение (рус.). Но так же термин означающий укол в фехтовании.

– Да чего ты там понимаешь? – вдруг закричал в самое ухо валет. – Вертай направо я тебе говорю!

Глава

5

Кольцо всевластия

Петербург.

4 Сентябрь 1838 г.

Респектабельный черный экипаж, но не выделяющийся чрезмерной вычурностью, какой и должна быть карета тайной полиции, быстро катился по почти пустой в этот ранний утренний час и мокрой после дождя дороге в сторону Садовой. Дорогу ему освещали два боковых фонаря с бешено танцующими в них языками пламени. Кучер то и дело хлестал лошадок кнутом и прикрикивал: «Но, но, залетные!», всецело понимая, что промедление в данном случае может выйти себе дороже, поскольку чиновник особых поручений, к которому он ныне был приставлен, сегодня находился не в лучшем расположении духа. А лучше даже сказать, что он был в гневе, поскольку уже четверть часа кричал и возмущался на довольно премилую барышню, которую они не столь давно подобрали на Гороховой.

– Ты закончил? – невинно улыбнулась мисс Фокс, выслушав тираду Орлова о том, какой ее благоверный непутевый

и безответственный болван, что теперь вся операция весит на волоске, а где сейчас сам Волков и Потапов остается лишь только гадать.

– Нет, яхонтовая моя, я не закончил! – все еще красный, как вареный рак, вновь забурчал Алексей. – У меня еще есть много слов про запас, но все эти слова, мисс Фокс, предназначены не для ваших милых ушек, а для ушей этого негодяя, которого, подумать только, я все еще считаю своим другом!

– Good⁸, – хлопнув в ладоши, вновь невинно улыбнулась Аманда. – Оправдывать, как ты выразился, моего благоверного, я так понимаю, не имеет смысла. Хотя все это он сделал лишь из лучших побуждений...

Услышав это, Орлов скривился и вновь сдвинул брови.

– Good, good, – беззащитно подняв руки вверх, произнесла Аманда. – Но пойми, Леша, как это говорят у вас, что сделано, того уже не развернуть вспять.

– У нас так не говорят, – хмыкнул Орлов. – Ты сплела две пословицы воедино, причем вторую вывернула шиворот-навыворот. Вот не понимаю, почему вы, иностранцы, так любите форсить русскими поговорками? – Алексей махнул рукой. – Впрочем, забыли, смысл я понял.

– Good, – в очередной раз улыбнулась Аманда. – Так что давай теперь подумаем, что нам со всем этим делать.

Карета в этот момент остановилась. По крыше раздалось

⁸. Good (англ.) – хорошо.

легкое постукивание.

– Приехали, ваше благородие, – донесся голос кучера.

Орлов вздохнул как-то странно, даже, казалось, с легким волнением, взглянул на мисс Фокс и произнес:

– Для начала давай посмотрим на место преступления, а уже потом и подумаем, что нам со всем этим делать.

Они покинули экипаж и оказались во дворе, промеж высоких домов с песочными стенами и маленькими оконцами. Впрочем, в глубине двора располагалась и еще одна постройка, а именно небольшой в два этажа деревянный флигель. Вокруг этого флигеля сустились жандармы, в окнах горел свет и мелькали тени.

Орлов и мисс Фокс вошли внутрь, и Аманда тотчас почувствовала неуловимый запах смерти, пахло кровью, гнилью и нечистотами. Внимательный взгляд девушки быстро пробежался по комнате: «Все вверх дном, – первое, что заметила мисс Фокс, – это либо следы борьбы, либо уже жандармы постарались. Впрочем, вот и они: один уже не молодой, с длинными напояженными усами стоит столбом, другой совсем еще сопляк, но милый, мечтательный блондин, что-то пишет в блокноте, нет, не пишет, зарисовывает, ... а вот и наш старый знакомый медик, как там его, сэр Баран-оф, кажется. Смотрит на меня и ехидно улыбается, и, наверняка, ждет реакции... О Боже!»

Аманда вдруг почувствовала, что голова идет кругом, а предательница земля уходит из-под ног, и она чуть было не

рухнула без чувств, как давеча изнеженная балами и светскими раутами графиня Анна Рябова. Но не упала, Орлов вовремя подхватил девушку под руку, и это придало ей сил.

– Яхонтовая моя, может не стоит тебе... – заговорил было Алексей, но мисс Фокс оттолкнула его руку, не желая показать слабость, и вновь взглянула за спину Баранова, и... к горлу подступил ком, стало дурно, и не в силах больше бороться, девушка, к собственному стыду, выскочила из флигеля.

– Слабый пол, что поделать, – эхом донесся до Аманды насмехающийся голос жандармского медика.

«Свежий воздух, – с облегчением вдохнула полной грудью мисс Фокс и взглянула поверх крыш домов на восходящее солнце. В этот ранний утренний час солнце казалось красным, кроваво-красным, отчего небо вокруг тоже светилось алым, и это выглядело пугающе. – Впрочем, не так пугающе, как то, что лежит там на столике. – Тут же поправила себя Аманда. – Так, надо собраться! Что это я, в самом деле, мертвяков и крови что ли никогда не видела?! Видела! Даже насмотрелась вдоволь и в Сибири, когда на нас напали Айеши, и потом в стенах Черной пирамиды... Но там и там это были враги, жаждущие нашей смерти. Да и во втором случае это были даже не люди, а наги. А здесь мирное время и относительно цивилизованный город, и все эти убийства выглядят по-настоящему пугающе и отвратительно. А это последнее своей жестокостью переходит все мыслимые

и немыслимые границы».

Мисс Фокс вновь вздохнула, отвела взгляд от кровавого, будто насмехающегося над ее слабостью, солнца и обернулась к флигелю. В проеме распахнутой двери было видно, как суетится Орлов, что-то выпрашивает, осматривается и отдает распоряжения, ему кивают, поддакивают, даже надменный медик Баранов указывает на какие-то детали трупика на столе.

В этот момент медик обернулся к раскрытой двери, увидел растерянную стоящую в проеме девушку и вновь ехидно улыбнулся.

«Слабый пол – значит! – вспыхнула Аманда негодованием. – Ну, я ему сейчас покажу – слабый пол!»

С этими мыслями, полная решимости мисс Фокс вновь шагнула за порог.

– Да, судя по следам, здесь орудовала действительно банда, с этим я склонен сог..., – Алексей запнулся на полуслове и с тревогой взглянул на вошедшую Аманду. – Яхонтовая моя, может ты все же обождешь на улице, а я обо всем тебе потом расскажу?

Но мисс Фокс ничего на это не ответила и даже не взглянула в сторону Орлова, вместо этого лишь подняла руку и отмахнулась, будто говоря, не отвлекай. На этот ее жест на лицах жандармов отобразилось полное недоумение, кто, мол, эта загадочная барышня, что мановением руки затыкает самого чиновника особых поручений Третьего отдела.

ния. А медик Баранов, которому англичанка была представлена, как ассистентка иноземного консультанта месье Вульфа, лишь фыркнул, покачал головой и все же решил вставить свои пять копеек:

– Вижу, мадмуазель, что вы все совладали со своей слабостью, – с нажимом на последнее слово проблеял патологоанатом и подергал себя за лощеную козлиную бородку, – это весьма похвально. Хотя...

– Да умолкните вы, прислужник царства Плутона! – фыркнула на него Аманда и взглянула таким суровым взглядом карих глаз, что медик даже опешил от подобной наглости.

Но правила приличия в данный момент волновали мисс Фокс гораздо меньше того, что сейчас лежало перед ней на круглом столе. А там, на украшенной изысканной резьбой столешнице красного дерева покоился трупик ребенка со вспоротым и выпотрошенным, словно у индюшки перед фаршировкой, животом. Впрочем, голова была не отрублена, а покоилась на плечах, но это отнюдь не смягчало кровавую картину, а, напротив, придавало ей еще больше ужаса, поскольку лик курносого и кудрявого мальчонки был искажен самой настоящей гримасой неопишуемой боли, которую жертва явно испытывала долгие минуты перед смертью.

«О, Древние боги, вразумите, что за изверг это сделал? – в сердцах взмолилась Аманда, понимая, что никто из этих самых богов ее не услышит, поскольку все они канули в Ле-

ту и даже последняя из них – Артемиды, и та покинула мир собственных детей, дав нам право самим разгрести деяния собственных рук. – Неужели это сделали Айеши? Но вот зачем? Зачем такое зверство?»

Запах запекшейся крови, желчи и нечистот ударил в нос. Голова девушки слегка закружилась, и к горлу вновь подступил предательский позыв, но Аманда подавила его, и поспешила отвернуться и вздрогнула в тот же миг. У самых ее ног, к несущему столбу, служившему одной из опор флигеля, был цепями прикован старик с крючковатым носом. Он тоже был мертв, голова беспомощно свисала набок, а одежду покрывали пятна крови, впрочем, ран видно не было.

– А ведь в целом картина еще ужасней, чем на первый взгляд, – приснул медик Баранов, будто специально выжидая, когда мисс Фокс увидит второй труп. – Не правда ли, дорогуша?

Аманда поняла этот ужасный намек. Старик был прикован так специально, чтобы видеть, как на столе потрошат мальчонку.

– Кем он ему приходился? – стараясь, чтобы голос не дрогнул, спросила мисс Фокс.

Один из жандармов, тот, что постарше, с напыженными усами и явно повыше званием, бросил вопрошающий взгляд на Орлова.

– Рассказывайте, Сутулов, – приказал чиновник особых поручений. – Мисс Фокс наш сторонний консультант, име-

ющая своего рода опыт в подобных делах, поэтому в данный момент мы с ней работаем вместе.

– А где же ее шеф месье Вульф прохлаждается? – осведомился вдруг медик. – Почему он не удостоил нас визитом и прислал в помощь лишь свою ассистентку? Или его организм еще нежнее, чем у представительницы слабого пола? – И он презрительно ухмыльнулся.

– Господин Вульф в данный момент занят..., – начал было объяснять Орлов, но мисс Фокс уже порядком доведенная до кипения, словно английский чайник на плите под воздействием огненной желчи Баранова, наконец, не выдержала и дала скопившемуся пару выйти наружу.

– Во-первых, многоуважаемый медикус Баран-оф! – сделав паузу в фамилии наглеца намеренно и исковеркав ее на иноземный мотив, выпалила Аманда, – это не вашего ума дело, чем занимается в данный момент господин Вульф! Скажу лишь, что он занят именно нашим расследованием, но ваш статус не позволяет вам знать всех деталей.

Баранов открыл рот, но Аманда подняла кверху пальчик и продолжила:

– А во-вторых, я не ассистенточка господина Вульфа, как, наверняка, вы меня себе представляете, а он не мой шеф! Мы с ним равноправные компаньоны, делающие работу на равных. Попрошу впредь вырубить это на вашем длинном, вечно всовывающемся не в свое дело носу!

– Зарубить, – машинально поправил Орлов.

– Что?

– Зарубить на носу, яхонтовая моя, так у нас говорят, – объяснил Алексей.

– Знаете, что, мисс..., – побагровев, словно рак в кастрюльке с кипятком, прорычал Баранов.

– Нет, не знаю, и знать не желаю, – фыркнула Аманда и обернулась к усатому жандарму. – Суй-тулов, кажется?

Все еще багровый Баранов в поисках поддержки бросил взгляд на усмехающегося Орлова, но тот лишь покачал головой и показал медику кулак, давая понять, что споры и забавы окончены.

– Сутулов, э-э-э, ваше..., – не зная, как вести себя со странной басурманкой растерялся жандарм.

– Можно просто мисс Фокс, – любезно улыбнулась Аманда. – Так что вы там хотели нам поведать, господин Су-тулов? Рассказывайте, хочу видеть картину в целом. И начните с того, кем приходился ребенок старику.

– Слушаюсь, мисс, – кивнул жандарм. – По установленным данным мальчишка – имя Мотя, являлся внуком старика. Сам же старик Аввакум Абрамович Кацен-елен-боген, – заглянув в блокнот, с трудом выговорил иудейскую фамилию Сутулов, – тфу ты пропасть, язык сломаешь от этих жидовских фамилий. В общем, жид был хорошо известен в жандармских кругах, как преуспевающий ростовщик. Говорят, он был не сильно жаден, как остальные жида, и даже наши ростовщики, и давал хорошую цену за заклад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.